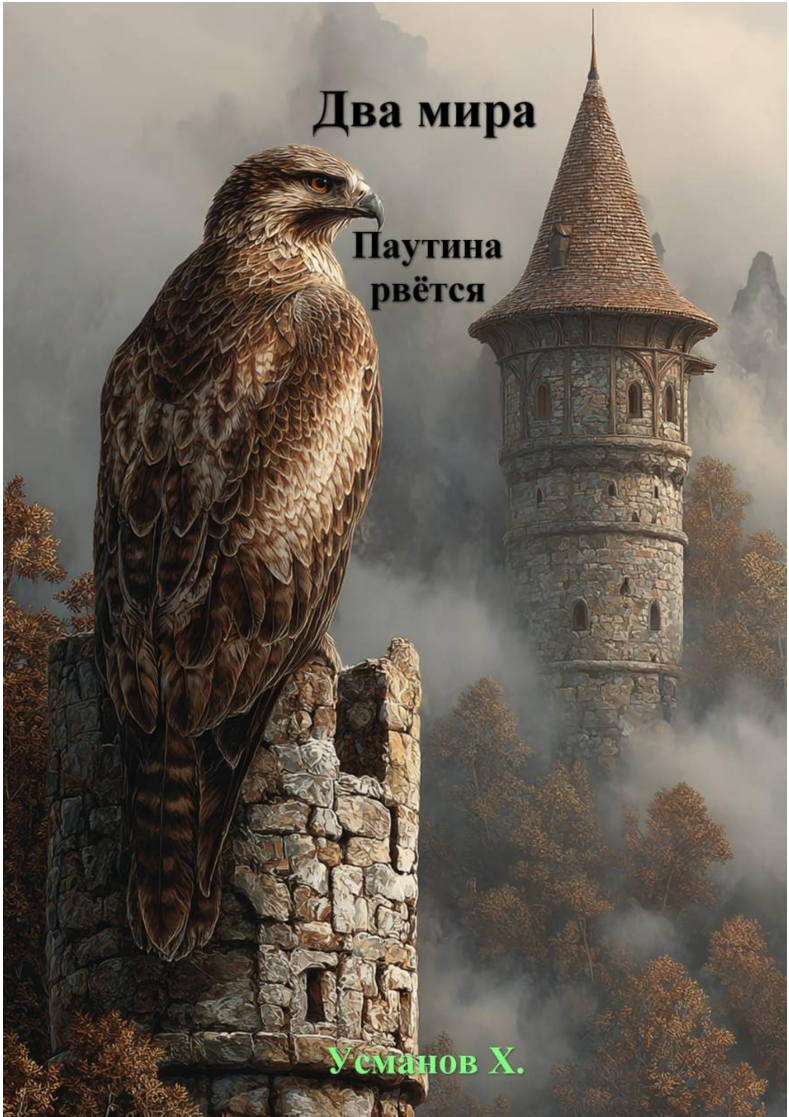

Два мира
Паутина
рвётся
Усманов Х.

Хайдарали Усманов

Два мира. Паутина рвётся

https://litres.ru/74745553
SelfPub; 2026

Аннотация

Жизнь Алексея только начиналась. Да, тяжёлая. Самостоятельная. Но несчастный случай прямо на выпускном вечере всё уничтожил. Ведь парень, спасая других, погиб в пожаре. Но то, что другие видели, как гибель, для самого парня оказалось дверью в новую жизнь. Тоже не такую уж и лёгкую, как хотелось бы. Ведь он, пройдя сквозь пламя, оказался в мире, где мистика и выдуманные на Земле кошмары, оказались реальностью. Но появление парня в этом мире даже самому ему кажется подозрительным. Ведь даже его собственная кровь оказывается чем-то неведомым для этого мира. Что могло его не только возвысить, но и погубить. И теперь ему предстояло балансировать на этом лезвии, чтобы выжить. И как у него это получится, сложный вопрос...

Содержание

Ярость – плохой советник 4
Новая добыча 103
Конец ознакомительного фрагмента. 107

Хайдарали Усманов
Два мира. Паутина рвётся

Ярость – плохой советник

Походная палатка командующего легионом Великой расы Ракшаас уже давно перестала быть местом, где можно было спокойно работать. Слуги и младшие офицеры старались обходить её стороной, посыльные предпочитали дожидаться разрешения войти, а дежурные у входа научились различать по звукам внутри, когда лучше даже не пытаться докладывать о поступивших распоряжениях. Иногда из палатки доносился глухой удар, словно кто-то с размаху опрокидывал тяжёлую мебель. В другие минуты там слышались резкие, отрывистые выкрики на языке ракшаас, от которых даже опытные воины невольно напрягались. А однажды оттуда даже вылетела небольшая металлическая чаша, ударилась о землю и покатилась по утоптанной площадке, рассыпая по песку ещё не остывшие угли. Никто не осмелился её поднять.

Сам командующий в это время находился в состоянии, которое его подчинённые предпочитали не называть вслух. Старый служака, прошедший несколько крупных кампаний, переживший смену трёх военных наместников и заслуживший своё положение не столько происхождением, сколько

многолетней службой, буквально не находил себе места. Он метался по палатке, то подходил к большому столу, заваленному картами и донесениями, то резко разворачивался, чтобы пройти обратно, едва не задевая свисающие с потолочных перекладин связки военных знамён. Его длинный чешуйчатый хвост с силой хлестал по ковру, а пальцы то сжимались в кулаки, то распрямлялись, словно он пытался удержать невидимого противника за горло.

— Как?! — в очередной раз прорычал он. — Как такое вообще возможно?!

В этот момент перед ним стояли трое офицеров. Все достаточно опытные, чтобы понимать, насколько опасно сейчас привлекать к себе внимание командующего, и одновременно слишком хорошо знавшие, что без доклада не уйти.

Старший из них, сухощавый ракшаас с тёмной чешуёй и короткими роговыми выступами над висками, осторожно опустил голову.

— Господин, мы повторно проверили все доступные каналы связи. Ни один из отправленных отрядов не передал подтверждения о завершении задания. Последние сигналы поступали ещё до того, как они пересекли внутреннюю линию наблюдения людей.

— Я прекрасно слышал это ещё в первый раз!

Командующий развернулся так резко, что один из стоявших на столе металлических указателей упал на карту.

— Я спрашиваю не о том, что они не передали сигнал! Я

спрашиваю, куда они делись!

Офицер замолчал. На столе перед ними лежала карта приграничных земель. Её изготовили с использованием нескольких разведывательных экспедиций, старых описаний человеческих укреплений и сведений, полученных от местных агентов. Человеческие поселения обозначались небольшими тёмными отметками, крепости — более крупными знаками, а территории, где уже распространилась скверна, были покрыты красноватыми линиями.

На первый взгляд карта выглядела вполне благоприятно именно для ракшаас. Человеческие земли казались обширными, но плохо защищёнными. Между крепостями имелись значительные промежутки, дороги были неудобными, а снабжение зависело от многочисленных мелких поселений. Внутри самих человеческих владений царили раздоры между княжескими родами, торговыми домами и чиновниками. Даже военные формирования нередко подчинялись разным начальникам, которые далеко не всегда ладили друг с другом. Для расы, обладавшей развитой системой военного управления, пространственными хранилищами, артефактами и оружием, подобный противник должен был представлять собой вполне решаемую задачу. По крайней мере, так считалось прежде.

Разъярённо выдохнув очередное ругательство, командующий легионом остановился возле карты и указал когтистым пальцем на один из участков.

— Здесь находилась группа наблюдения. Три опытных воина. Двое из них имели за плечами по нескольку успешных операций в человеческих землях. Третий был специалистом по артефактам и умел обходить даже защитные системы старых укреплений. Они должны были проверить район, установить состояние человеческих дорог и передать сведения о передвижениях войск.

Он передвинул палец дальше.

— Здесь действовал наш посредник. Не простой торговец, которого можно купить за несколько мешков зерна. Это был человек, имевший доступ к нескольким торговым домам и чиновникам. Он годами обеспечивал доставку необходимых товаров, передавал сведения и помогал скрывать перемещение наших представителей. У него имелись собственные склады, обозы и люди. Он знал, кому можно заплатить, кого запугать, а кого достаточно просто попросить об услуге.

Командующий медленно поднял голову.

— И он тоже… исчез...

— Его дальнейшая судьба пока не установлена, господин… — Осторожно произнёс офицер.

— Не установлена?!

Старый ракшаас ударил ладонью по столу. Карта смялась под его когтистыми пальцами, а несколько металлических фишек подпрыгнули и упали на пол.

— Он не просто не отвечает! Его торговые дома уже подвергаются проверкам. Внутренние каналы сообщают о за-

держаниях людей, обысках складов и изъятии документов. Человеческая администрация вдруг начала проявлять интерес к тем самым перевозкам, которые годами проходили без малейших затруднений. Это не случайность. Кто-то раскрыл нашу сеть!

Он прошёл вдоль стола, остановился возле другой отметки и с силой ткнул в неё пальцем.

— А здесь находился отряд, который должен был обеспечить передачу особого груза. В его составе было несколько воинов, знакомых с человеческими обычаями, и командир, способный управлять боевым конструктом. Они должны были провести его через человеческие территории, используя местные связи, а затем передать одному из влиятельных княжеских родов.

Офицеры переглянулись. Они знали, что речь идёт о весьма важном задании. Сам конструкт стоил немалых ресурсов, но его ценность заключалась не только в металле, из которого он был изготовлен, и не в заключённых внутри него рунических системах. Он должен был стать инструментом, способным изменить расстановку сил во всей человеческой империи.

План был простым. Передать боевой конструкт людям в качестве редкого подарка, позволить им доставить его ко двору и дождаться подходящего момента. Когда тот окажется рядом с человеческим правителем, его следовало активировать. Убийство государя в окружении высших чиновни-

ков, князей и военачальников должно было вызвать такую смуту, что человеческие земли на несколько лет погрузились бы в борьбу за власть. А в это время именно ракшаас получили бы столь желанную для них возможность спокойно расширять своё влияние на границе…

Теперь же не было ни конструкта, ни его сопровождающих, ни подтверждения того, что задание вообще продолжает выполняться.

— Где они? — спросил командующий уже тише. Но тихие, хотя и постепенно нарастающие вибрации в его голосе, заставили всех присутствующих заметно втянуть головы в свои узкие плечи.

На этот вопрос ему никто так и не ответил. Поэтому он снова медленно обвёл своим пристальным и весьма требовательным взглядом собравшихся перед ним офицеров.

— Где мой командир? Где его воины? Где конструкт? Где браслет управления? Где наши сведения? Где хотя бы одно подтверждение того, что они живы?

Старший офицер опустил голову ещё ниже.

— Мы не можем установить их местонахождение, повелитель.

Старый ракшаас на мгновение замер, затем отвернулся. Он прекрасно понимал, что подобный ответ не был проявлением некомпетентности подчинённых. Если бы у них имелась хоть какая-нибудь возможность определить местоположение пропавших отрядов, они давно бы это сделали. Рак-

шаас располагали достаточно развитой системой связи, наблюдения и передачи сообщений. Для их военных подразделений исчезновение даже небольшого отряда обычно означало лишь временный сбой, который можно было устранить дополнительной проверкой.

Но здесь не происходило ничего. Не было сигналов бедствия, не было обнаружено следов возвращения, не поступали сообщения о столкновениях. Отряды словно растворились в человеческих землях. И это было гораздо хуже, чем обычная гибель воинов. Гибель можно было объяснить. Засада, неудачное столкновение, предательство, случайная встреча с крупной изменённой тварью — всё это случалось даже с опытными бойцами. Но исчезновение нескольких независимых групп, причём в разных местах и при наличии охраны, уже не походило на цепочку случайностей. Кто-то действовал против них. И действовал весьма успешно. Однако исчезновение агентов было далеко не единственной причиной ярости командующего.

На столе лежали донесения о последней волне изменённых скверной существ, которая должна была окончательно продавить оборону людей на одном из участков границы. В прежние годы подобные операции приносили вполне предсказуемый результат. Ракшаас не стремились каждый раз открыто выводить собственные легионы к человеческим укреплениям. Это было бы слишком дорого, слишком заметно и, главное, невыгодно с учётом численности их расы. Вме-

сто этого они использовали изменённых существ, появлявшихся под воздействием скверны. Их можно было направлять, подталкивать в нужную сторону, усиливать подходящими источниками заражения и постепенно превращать в огромную и разрушающую всё на своём пути волну, которая обрушивалась на человеческие поселения. Да. Люди сопротивлялись. Иногда даже достаточно успешно. Но их оборона почти всегда имела одну и ту же слабость. Недостаток средств против порождений скверны и отсутствие понимания того, что именно происходит за пределами заражённых земель.

Изменённые существа не нуждались в снабжении. Их не требовалось кормить, одевать, вооружать или обучать. Они могли неделями двигаться по заражённой местности, нападать друг на друга, пожирать всё, что встречалось на пути, и продолжать движение, пока сохраняли способность чувствовать живых существ. Людям приходилось тратить стрелы, копья, припасы и жизни. Ракшаас же спокойно наблюдали за всем происходящим.

А когда такая волна ослабляла человеческую оборону, в дело вступали отдельные отряды, которые уничтожали оставшихся защитников, захватывали удобные позиции и закреплялись на новых территориях. Иногда после этого проводились особые церемонии, во время которых пленных приносили в жертву высшим существам, которым служила их раса.

Других людей использовали в качестве пищи. Это не считалось чем-то необычным. В глазах многих ракшаас человеческие существа были существами низшего порядка, слишком многочисленными, примитивными и неспособными понять истинное устройство мира. Их мясо могло использоваться во время определённых праздников, а жертвоприношения считались необходимой частью религиозных обрядов. Некоторые военные даже воспринимали такие церемонии как заслуженное вознаграждение за удачно проведённую кампанию…

И вот теперь привычный порядок нарушился. Волна, на которую возлагали немалые надежды, была остановлена. Не просто задержана, не рассеяна случайными действиями человеческих гарнизонов, а именно уничтожена настолько эффективно, что её наиболее опасные представители даже не добрались до укреплений.

Резко и даже с каким-то злым посвистом выдохнув, командующий легионом снова подошёл к столу и вытащил из-под нескольких свитков большой лист с изображением одного из монстров. Это был огромный крабоподобный зверь, чьё тело было защищено несколькими слоями изменённого панциря. Его клешни могли дробить каменные блоки, а размеры позволяли переворачивать тяжёлые повозки и ломать деревянные заграждения. В прежних столкновениях подобные существа представляли серьёзную проблему даже для хорошо подготовленных человеческих отрядов. Но на этот

раз подобный краб погиб ещё до того, как достиг основной линии обороны.

Рядом находились сведения о двух других крупных существах. Одно обладало мощным панцирем и несколькими парами конечностей, способных разрывать укрепления. Другое представляло собой массивную изменённую тварь, чьи размеры и сила позволяли использовать её в качестве живого тарана. Все трое должны были стать основой наступления. И… Все трое были уничтожены…

— Вы понимаете, что это означает? — спросил командующий.

Но офицеры в ответ только угрюмо промолчали.

— Эти существа *не должны*… Повторяю для особо тупых! Не должны были погибнуть при обычном столкновении с человеческими воинами! Для их уничтожения требовались либо чрезвычайно мощные артефакты, либо подготовленная ловушка, либо оружие, способное пробить защиту, которую обычные люди не могли даже повредить!

Он поднял один из отчётов.

— Здесь сказано, что крупные твари были поражены ещё на подступах к крепости. Некоторые получили повреждения, несовместимые с жизнью, прежде чем смогли приблизиться к стенам. Другие были уничтожены оружием, которое оставило на их телах следы необычного воздействия.

Командующий сжал лист.

— А затем человеческая крепость выдержала всю волну.

Это было самое неприятное. Не отдельный монстр, не случайная засада и не единичное удачное применение редкого артефакта. Люди не просто уничтожили несколько опасных существ. В этот раз они действительно сумели удержать укрепление, пережить массовое нападение и нанести изменённым тварям настолько серьёзный урон, что остатки волны уже не представляли прежней угрозы. И всё это произошло на участке, который ранее считался вполне подходящим для постепенного продвижения.

— Кто обеспечил оборону? — спросил командующий.

— Точные сведения противоречивы, господин. Из человеческих сообщений следует, что в сражении участвовали гарнизон пограничной крепости и прибывший туда, по какой-то надобности, небольшой имперский отряд. Также упоминается применение необычного оружия.

— Какого оружия?

— Какие-то неведомые… *Арбалеты*… тяжёлые метательные установки… а также несколько копий, которые, по имеющимся сведениям, обладали свойствами *очищения* скверны.

Старый ракшаас медленно повернул голову.

— Очищения?

— Да, господин.

— Ты хочешь сказать, что люди научились очищать скверну?

— Мы не можем утверждать, что речь идёт именно об

этом. Однако в донесениях говорится, что заражённые существа после попадания таких снарядов подвергались воздействию какого-то *чёрного пламени*. И якобы именно оно и уничтожало поражённые ткани и, судя по всему, саму скверну.

После таких слов, командующий на некоторое время просто замолчал. Затем медленно положил лист на стол.

— Чёрное пламя…

Он знал о подобных явлениях. В древних описаниях встречались упоминания об артефактах, способных воздействовать на скверну напрямую. Но подобные предметы считались редкостью, а их изготовление требовало знаний, которыми обладали далеко не все даже среди Великой расы. И для того, чтобы презираемые ими люди сумели самостоятельно создать нечто подобное, потребовалось бы просто невероятное стечение обстоятельств. И всё же сейчас все результаты этого грандиозного провала говорили сами за себя.

— Кто изготовил это оружие?

— Мы пока не располагаем полными сведениями. Однако последние сообщения, что пришли к нам из столицы этого человеческого государства, прямо говорили о том, что обстановка накалилась. И люди уже не верят в случайность возникновения тумана скверны. Не говоря уже про его распространение.

Старый ракшаас издал низкий, недовольный звук. Он не любил подобные ответы. Особенно когда речь шла о против-

нике, которого привыкли считать неспособным на самостоятельные решения. Но ещё больше его раздражало другое. Всё это уже начало влиять на ход событий. Причём происходило это настолько эффективно, что последствия затрагивали сразу несколько направлений. И всё началось с одной пограничной крепости людей… Одна волна изменённых существ… И теперь исчезновение агентов… Слишком много совпадений было собрано в одном месте, чтобы быть просто случайностью.

Командующий подошёл к небольшому столику, на котором стоял закрытый сосуд с охлаждённой водой. Он налил себе немного, сделал несколько глотков и лишь после этого заговорил вновь.

— Сколько воинов мы потеряли?

Старший офицер достал отдельный свиток.

— Если учитывать только подтверждённые потери среди направленных в человеческие земли групп, речь идёт минимум о трёх ракшаас высокого уровня подготовки. Однако с учётом их сопровождающих и охраны число погибших или пропавших без вести значительно выше.

— Назови мне число!

— По предварительным оценкам, не менее двух десятков.

Командующий медленно опустил опустевший сосуд. Два десятка. Для человеческого войска это могло показаться ничтожной потерей. Двадцать воинов не представляли собой даже полноценного отряда. Но для ракшаас подобное число

имело совершенно иное значение. Их раса была многочисленной в пределах собственных владений, обладала древними городами, развитой системой ремесла, военными академиями и значительными запасами артефактов. Но численность населения никогда не была их сильной стороной. Ракшаас рождались редко. Очень редко. В то время как в человеческих поселениях за один год могли появиться на свет сотни младенцев, а в крупных городах и вовсе несколько тысяч, у ракшаас в сопоставимой по численности общине рождалось от силы два или три ребёнка. Иногда один. Бывали периоды, когда целое поселение не получало ни одного нового члена семьи на протяжении нескольких лет. И это не считалось чем-то необычным.

Древние объясняли такую особенность своего народа волей Создателей. Так как существовало стойкое мнение, что низкая рождаемость была предусмотрена намеренно, чтобы не допустить чрезмерного роста населения и последующей междоусобицы из-за ограниченных ресурсов. В далёкие времена, когда Великая раса только осваивала свои владения, подобная особенность могла действительно помогать сохранять порядок. Меньше рождений — меньше наследников, меньше споров за имущество, меньше поводов для борьбы между родами. Каждый новый ракшаас становился ценным приобретением. Его обучение начиналось рано. Сильные и способные дети попадали в военные школы, одарённые — в хранилища знаний, а те, кто проявлял склонность к реме-

слу или работе с артефактами, могли посвятить десятилетия совершенствованию одного направления. В результате даже обычный воин ракшаас нередко превосходил человека по подготовке, выносливости и владению оружием.

Но за это приходилось платить. Каждая потеря становилась болезненной. А если погибал опытный воин, которому уже доверяли самостоятельные операции, то вместе с ним исчезали годы обучения, накопленные знания, связи и перспективы дальнейшего продвижения. Именно поэтому два десятка пропавших ракшаас не могли считаться обычной военной потерей.

И сейчас даже сам старый и опытный командующий легионом уже прекрасно понимал, что его недруги в столице тоже начали подсчитывать ущерб. Среди исчезнувших были не случайные солдаты. Несколько из них имели весьма серьёзные перспективы на службе Империи. Один мог в будущем получить командование отдельным подразделением, другой уже проявил себя в работе с артефактами, третий имел связи с несколькими влиятельными родами. Они были полезны. Их потеря могла сказаться на положении целых военных домов.

— Два десятка… — повторил командующий.

Он медленно повернулся к офицерам.

— Вы понимаете, что скажут мои противники?

Никто не ответил.

— Они скажут, что я отправил на смерть два десятка рак-

шаас. Два десятка! И что это не просто неудача, а преступная расточительность. Они будут утверждать, что я бросил ценных воинов в человеческие земли без достаточной разведки, не обеспечил их возвращение и не сумел предвидеть опасность.

Он резко указал на карту.

— Для людей это может быть небольшой отряд. Но для нас два десятка опытных ракшаас — это огромная потеря! Если пересчитать их стоимость по человеческим меркам, то речь идёт о десятках тысяч воинов. Тридцать, сорок тысяч, а возможно, и больше, в зависимости от того, кого именно учитывать!

Он снова ударил ладонью по столу.

— И всё это ради чего? Ради того, чтобы люди продолжали считать нас мифом, а наши агенты продолжали исчезать без следа в их лесах?!

Один из офицеров осторожно поднял голову.

— Повелитель, возможно, нам следует временно прекратить отправку малых групп на человеческую территорию.

Командующий посмотрел на него.

— Ты предлагаешь отступить?

— Я предлагаю пересмотреть порядок действий. Если противник действительно получил возможность обнаруживать наши отряды, дальнейшее использование прежних маршрутов может привести к новым потерям.

Старый ракшаас не сразу ответил. Сейчас он и сам уже

прекрасно понимал, что его подчинённый был полностью прав. И именно это на данный момент раздражало старого воина сильнее всего. Они привыкли действовать в человеческих землях почти безнаказанно. Их агенты проникали в торговые дома, подкупали чиновников, покупали сведения у обозников и владельцев постоялых дворов. В некоторых случаях достаточно было заплатить нужному человеку, чтобы целая партия товаров исчезла с предназначенного маршрута или прибыла в крепость с задержкой. Люди были жадными. Их легко было купить. Иногда достаточно было обещать богатство, иногда — титул, иногда — защиту от более сильного соседа. Многие человеческие чиновники были готовы закрывать глаза на странные сделки, если получали свою долю. Всё это делало проникновение в человеческие земли сравнительно простым.

Но теперь что-то весьма кардинально изменилось. Возможно, люди наконец-то начали понимать, что за скверной стоит разумный противник. Возможно, они нашли способ выявлять агентов ракшаас. Или же, ранее хорошо известный им, противник теперь обладал какими-то средствами обнаружения, о которых их разведка ничего не знала.

Думая обо всём этом, командующий легионом нервно сжал свои когтистые пальцы.

— Мы не можем просто остановиться.

— Господин…

— Если мы прекратим действия на границе, то вполне

возможно, что люди решат, что одержали победу. Они начнут укреплять крепости, восстанавливать дороги, создавать новые отряды. Их Император получит возможность сосредоточить ресурсы на военных приготовлениях. А если они узнают, что за изменёнными существами стоим именно мы, то начнут искать способы добраться до наших территорий.

Он отвернулся к карте.

— Нет. Мы не можем позволить им понять, насколько сильно они нас задели.

На самом деле возможность объявить людям открытую войну существовала практически всегда. У ракшаас имелись легионы, тяжёлые артефакты, боевые конструкты, оружие, способное разрушать укрепления, и средства перемещения, недоступные человеческим армиям. Их кузнецы умели создавать превосходные клинки и доспехи, мастера артефактов изготавливали сложные механизмы, а военные командиры обладали опытом, накопленным за долгие поколения.

В прямом столкновении отдельный воин Ракшаас мог стоить нескольких человеческих бойцов. Их оружие превосходило человеческое, защита была надёжнее, а подготовка начиналась задолго до того, как молодой ракшаас получал право носить настоящее военное снаряжение. Если бы речь шла только о качестве войск, командующий не сомневался бы в исходе. Но война никогда не сводилась к качеству отдельных воинов.

Человеческие земли были огромны. В них находились

сотни городов, тысячи поселений, многочисленные княжеские владения и огромные территории, которые даже сами их государства не могли контролировать полностью. Люди могли выставить десятки тысяч бойцов, а при необходимости собрать ещё больше. Даже если их войска уступали бы в подготовке, то общее численное превосходство позволяло компенсировать многие недостатки.

Ракшаас не могли позволить себе подобного. Каждый погибший воин их расы был невосполнимой потерей. Каждый мастер, способный работать с редкими металлами, представлял собой ценность, которую невозможно было быстро заменить. Даже простой солдат проходил многолетнюю подготовку, а опытные командиры и специалисты по артефактам становились результатом десятилетий работы.

Люди же могли потерять десятки тысяч воинов, оплакать их, собрать новые отряды и продолжить войну. Конечно, человеческие государства страдали от собственных раздоров. Иногда целые армии исчезали в междоусобных войнах, князья уничтожали друг друга ради земель, а чиновники разворовывали запасы, предназначенные для фронта. Но даже это не отменяло их главного преимущества. Они рождались постоянно. Их было много. Слишком много. И если ракшаас вступят с ними в открытую войну, то даже несколько успешных кампаний могут обернуться катастрофой в долгосрочной перспективе. Люди способны проигрывать сражения, терять города и отступать, но при этом продолжать пополнять

свои армии. А вот каждый потерянный легион ракшаас будет означать исчезновение значительной части подготовленных воинов, которых уже будет просто невозможно вернуть.

Именно поэтому их древняя стратегия предполагала постепенное ослабление противника. Изменённые твари должны были разрушать его оборону, скверна — заражать территории, агенты — подрывать снабжение, а отдельные отряды — устранять наиболее опасных людей и занимать важные позиции. Не требовалось побеждать всех людей сразу. Достаточно было сделать так, чтобы они постепенно потеряли способность сопротивляться. Но теперь эта стратегия дала сбой.

Тем более, что и сам командующий легионом, на чьей подконтрольной территории произошёл такой казус, уже понимал, что если он не найдёт причину всех этих провалов, то и его собственное положение станет крайне шатким. Его противники уже давно считали, что старый воин слишком долго занимает своё место. Некоторые из них мечтали получить командование легионом, другие стремились ослабить его влияние при дворе, а третьи просто ждали возможности обвинить его в неудаче. И вот теперь такая возможность у них появилась.

— Сколько у нас осталось действующих агентов? — спросил он.

— На данный момент подтверждена связь с шестью группами, повелитель. Ещё несколько находятся в ожидании пе-

редачи сведений.

— Сколько из них работают на участке, где была остановлена последняя волна?

— Две группы.

— Отозвать их.

Офицер поднял голову.

— Всех?

— Всех, кто ещё способен получить приказ. Пусть не пытаются продолжать прежнюю работу. Никаких самостоятельных действий, никаких встреч с человеческими посредниками. Если есть возможность покинуть территорию — пусть уходят.

— Будет исполнено.

— И ещё. Найти всех, кто имел непосредственное отношение к пропавшим группам. Я хочу знать, кто передавал им сведения, кто обеспечивал охрану, кто выбирал маршруты, и кто утверждал задания. Не исключено, что среди наших собственных людей есть предатель.

Старший офицер коротко склонил голову.

— Понял, господин.

Командующий некоторое время смотрел на карту, затем указал на участок возле пограничной крепости.

— Здесь. Именно здесь всё началось.

Он провёл когтем по красной линии, обозначавшей границу распространения скверны.

— Сначала исчез наш артефактор… Исчезли разведчи-

ки… Затем была уничтожена волна... Потом пропал отряд, сопровождавший конструкт. Теперь человеческие власти начали проверять торговые дома, связанные с нашими людьми. Всё это произошло слишком быстро.

Он медленно повернулся к офицерам.

— Я хочу получить все возможные сведения обо всём, что сейчас происходит именно в этой зоне. Всё, что известно. Не только то, что сообщают люди. Пусть наши наблюдатели проверят всю ближайшую территории… маршруты перемещения человеческих войск… И вообще всё странное, что могло там появиться в последнее время!

— Если же люди действительно нашли способ создания оружия против порождений скверны, его следует захватить? — спросил один из младших офицеров.

Командующий посмотрел на него так, словно тот предложил немедленно отправить весь легион в болото.

— Ты хочешь отправить ещё один отряд туда, где исчезают наши воины?

— Я лишь…

— Молчать!

Младший офицер опустил голову. Старый ракшаас медленно прошёл вдоль стола.

— Нет. Пока никаких захватов. Сначала мы выясним, что именно происходит. Если эти люди действительно оказались способны создавать оружие, уничтожающее скверну, то они представляют для нас нешуточную угрозу. Но если они свя-

заны с исчезновением наших воинов, то могут оказаться гораздо опаснее, чем кажется.

Он остановился возле одного из свитков, на котором были изображены все возможные защитные амулеты людей.

— И ещё. Мне нужны сведения об новый предметах подобного рода. Если они действительно могут быть способны предотвращать заражение и очищать уже поражённых воинов, то вся наша прежняя тактика может оказаться под угрозой.

Офицеры снова переглянулись. Это было неприятное признание. До сих пор они считали человеческую защиту от скверны одной из главных слабостей противника. Люди могли сопротивляться изменённым тварям, но любая рана, полученная в заражённой зоне, становилась потенциальной угрозой. Даже если воин выживал после боя, ему приходилось опасаться, что скверна через раны всё равно проникнет в тело. И новые амулеты могли изменить всё. Если они действительно работали так, как сообщали разведчики, то люди получали возможность не только защищаться от заражения, но и возвращать к жизни тех, кто уже был поражён. А это означало, что прежняя стратегия истощения противника переставала быть столь надёжной.

Командующий вновь посмотрел на карту. На ней по-прежнему находились многочисленные человеческие поселения, дороги и крепости. Всё выглядело привычно. Казалось, что достаточно направить ещё одну волну изменённых

существ, добавить несколько агентов и повторить прежние действия. Но он уже не мог позволить себе такую ошибку. Слишком многое изменилось.

Когда офицеры наконец покинули палатку, командующий остался один. Он долго стоял над картой, не двигаясь. Затем медленно снял с пояса тяжёлый металлический браслет и положил его на стол. На поверхности предмета находились тонкие линии, похожие на переплетённые жилы. В одном месте располагался небольшой камень, потускневший от долгого использования. Подобные устройства применялись для передачи команд некоторым боевым конструктам. Командующий лично знал, насколько сложной была их настройка, сколько ресурсов требовалось для создания и как долго обучали воинов, способных правильно использовать такие древние артефакты, созданные неведомой расой мастеров – артефактов. А теперь один из подобных браслетов, вероятно, находился у людей. Если они сумели захватить конструкт, то могли получить доступ к его внутренним системам. И даже если не понимали их устройства, сама возможность изучения подобного механизма представляла для самих ракшаас угрозу.

Он медленно сжал браслет в ладони.

— Что же тут происходит? — произнёс он почти шёпотом.

Вопрос относился не только ко всему происходящему в последнее время. Он думал о людях в целом. Ещё недавно

они казались ему удобным, многочисленным и достаточно примитивным противником. Их можно было использовать, обманывать, покупать и сталкивать между собой. Они были жадными, недальновидными, часто глупыми и склонными к междоусобицам. Их правители редко могли договориться даже между собой, а торговцы готовы были предать собственную страну ради золота. И всё же теперь эти же люди сумели остановить волну изменённых существ, уничтожить несколько опытных отрядов и начать раскрывать сеть агентов, которую ракшаас выстраивали годами. Может быть, они наконец-то нашли способ объединиться? Или же кто-то один сумел изменить ход событий?

Старый командующий резко выпрямился. Он не мог допустить, чтобы подобная ситуация продолжалась. Если его противники при дворе узнают о полном масштабе потерь, они точно потребуют расследования. Если расследование начнётся, то ему придётся раскрывать имена всех участников операции… их маршруты… способы связи… А главное, сведения о человеческих посредниках…. Но если подобная информация попадёт к другим военным родам, то некоторые из них могут использовать её для ослабления его положения. Хотя… Если как следует подумать, то можно понять, что ещё хуже будет, если люди продолжат действовать в том же направлении. В таком случае через несколько месяцев ракшаас могут потерять не просто несколько агентов, а всю сеть влияния на этом участке границы.

Он снова посмотрел на карту. Два десятка ракшаас. Три исчезнувших группы. Остановленная волна. Три уничтоженных чудовища, которые должны были стать её главной ударной силой. Пропавший конструкт. Человеческие торговые дома, внезапно попавшие под проверку. И это, не считая всего остального, что происходит в последнее время, и слишком сильно выбивается из общей картины.

Командующий легионом медленно опустился на тяжёлое кресло. Впервые за долгие годы он почувствовал не просто раздражение от неудачной операции, а настоящую тревогу. Он мог объявить людям войну. Мог направить против них легион, использовать артефакты, древние боевые конструкты и всю мощь своей расы. Но тогда ему пришлось бы учитывать то, чего раньше он почти не принимал во внимание. Человеческое численное превосходство. Люди могли позволить себе проиграть десятки сражений. Ракшаас — нет. И теперь, судя по всему, человеческая Империя начала понимать, что за демоническим туманом скрывается не безликая стихия, а вполне конкретный противник, который может быть ранен, обманут и уничтожен.

Старый командующий медленно провёл ладонью по лицу.

— Проклятые люди…

Он произнёс это без прежней ярости. Скорее с усталостью. Затем поднял голову и нажал на небольшую пластину связи, закреплённую возле стола.

— Вызвать начальника разведки. Немедленно.

Он сделал паузу и добавил:

— И передать приказ всем действующим группам на человеческой территории. Отныне ни один отряд не должен приближаться к именно этой пограничной крепости без моего личного разрешения. Никаких самостоятельных операций не проводить. Никаких попыток вернуть потерянные предметы. Если обнаружат хоть что-то подозрительное — только наблюдать, но не вступать в столкновение.

Он убрал руку с пластины.

— И пусть кто-нибудь наконец выяснит, что за хитрец сумел превратить наши победы в поражения.

За пределами палатки продолжал жить военный лагерь. По утрам там звучали команды, тренировались воины, перемещались обозы и работали мастера. Легион оставался сильным, дисциплинированным и хорошо вооружённым. Но впервые за долгое время его командующий уже не был уверен, что знает, как именно следует действовать дальше. И это беспокоило его гораздо сильнее, чем исчезновение двух десятков подчинённых…

…….

Старый командующий ещё долго стоял над картой, положив обе руки на край стола. Перед ним лежали несколько донесений, часть из которых уже успела пожелтеть от жара походных ламп, а рядом находилась металлическая пластина связи, так и не подавшая за последние часы ни одного осмысленного сигнала. Он несколько раз перечитал последние за-

писи разведчиков, хотя прекрасно знал их содержание. Новых сведений в них не было. Только прежние сообщения о пропавших отрядах, оборванных маршрутах, молчании наблюдательных пунктов и странных изменениях в поведении человеческих гарнизонов.

Он пытался понять, что делать дальше. Можно было отвести легион глубже в заражённые земли, переждать, пока люди расслабятся после победы, а затем снова начать постепенно наращивать давление. Можно было направить небольшие группы разведчиков, чтобы выяснить, что именно произошло возле крепости. Но для этого требовались проводники, знающие безопасные маршруты, и мастера-артефакторы, способные определить состояние скверны. А с ними как раз и возникла проблема.

Один из лучших специалистов подобного рода не так давно пропал, вместе со всеми своими наработками. Двое других, узнав о случившемся, предпочли немедленно покинуть приграничный район. Формально они сослались на необходимость проверить несколько старых хранилищ и привести в порядок собственные мастерские. Да. Сам старый командующий легионом прекрасно понимал, что это была всего лишь вежливая форма отказа рисковать собственной шкурой. Но пытаться удерживать таких специалистов силой было просто невозможно. Да и неразумно. Их знания стоили слишком дорого, чтобы заставлять их работать под угрозой наказания.

Именно поэтому старый воин пока не отдавал приказов о новом наступлении. Он ещё раз посмотрел на отмеченные красными чернилами участки карты. Там, где раньше проходили разведывательные группы, теперь зияли пробелы. Там, где должны были находиться наблюдательные посты, не было ни единого ответа. А человеческая крепость, которую ещё недавно собирались постепенно окружить и даже полностью уничтожить, продолжала стоять.

Командующий медленно выдохнул. Ему совершенно не нравилось происходящее. Но куда больше ему не нравилась мысль о том, что он вынужден ждать, пока кто-то другой решит, что ему делать.

Именно в этот момент полог палатки резко отодвинули. Вошедший не стал ни спрашивать разрешения, ни объявлять о своём прибытии. Он просто переступил порог так, словно палатка принадлежала ему, а все находившиеся внутри были лишь временно допущенными сюда слугами.

За его спиной остались двое сопровождающих в дорогих доспехах. Они несли длинные копья с металлическими наконечниками, украшенными тонкими серебряными узорами. Оба были молоды, хорошо вооружены и явно принадлежали к личной охране прибывшего. Впрочем, их присутствие имело скорее церемониальное значение. Никто из находившихся в лагере не сомневался, что при необходимости они немедленно исполнят любой приказ своего господина, каким бы нелепым тот ни оказался.

Командующий поднял голову. Вошедший тоже был ракшаас, но даже среди представителей его народа выглядел не совсем обычно. Не столько из-за внешности, сколько из-за той подчеркнутой роскоши, которой он себя окружил. Ведь это был прямой порученец Императора.

Так его представляли официально. В документах он значился как доверенное лицо двора, наделённое правом передавать распоряжения государя военным наместникам и требовать исполнения приказов, касающихся государственных интересов. Эта формулировка была достаточно широкой, чтобы позволять ему вмешиваться почти в любые дела, но при этом оставляла немало пространства для толкований. И, разумеется, сам молодой ракшаас считал, что подобные полномочия дают ему право распоряжаться не только войсками, но и людьми, которые провели на службе больше времени, чем он прожил. Впрочем, его происхождение было секретом лишь для тех, кто никогда не бывал при Императорском дворе.

Среди приближённых к столице давно ходили разговоры о том, что этот молодой благородный ракшаас является внебрачным сыном самого императора. Не просто одним из многочисленных бастардов, которых государь мог оставить после своих многочисленных увлечений, а весьма особенным отпрыском, чья мать сумела сохранить расположение повелителя и даже превратить собственное положение в источник немалого влияния.

Более того, поговаривали, что сам этот молодой ракшаас не ограничивался ролью сына своей матери и вёл себя как настоящий наследник, хотя официально никаких прав на престол не имел. Слухи о его отношениях с одной из наложниц Императора были ещё неприятнее. Эта женщина считалась любимицей государя, и её положение при дворе было настолько прочным, что даже представители древнейших родов предпочитали не задевать её без крайней необходимости. Некоторые даже утверждали, что именно она снабжала молодого любимца всем необходимым, а тот в ответ демонстрировал ей *особую* преданность.

Разумеется, вслух подобное никто не обсуждал. Даже самые влиятельные сановники предпочитали делать вид, что ничего не знают. В Империи Ракшаас существовало немало способов избавиться от любого разумного, слишком охотно интересующегося чужими семейными делами.

Старый командующий знал об этих разговорах. Он служил достаточно долго, чтобы научиться отличать обычные дворцовые сплетни от тех, в которых слишком много совпадений, чтобы считать их случайностью. Однако сейчас ему было совершенно не до того, чтобы разбираться в личной жизни Императорского отпрыска. Пусть даже незаконного. Гораздо важнее для него было именно то, что стоявший перед ним молодой ракшаас действительно обладал полномочиями. И, судя по его поведению, прекрасно об этом помнил.

— Это что ещё такое?! — почти сразу выкрикнул прибыв-

ший, даже не потрудившись поприветствовать хозяина палатки. — Почему я должен узнавать о происходящем из обрывочных донесений? Где доклады? Где сведения о продвижении войск? Почему граница низших до сих пор не прорвана?

При этих громких словах командующий легионом едва заметно нахмурился. Молодой ракшаас даже не посмотрел на карту. Он высокомерно оглядел помещение, слегка задержался взглядом на нескольких стопках документов, и лишь затем перевёл глаза на старого воина.

— Я прибыл сюда не для того, чтобы наблюдать за вашим бездействием! — продолжал он. — Мне сообщили, что вы уже несколько дней топчетесь на одном месте, ничего не предпринимая. Вы вообще понимаете, сколько средств было выделено на эту операцию? Сколько ресурсов наша Империя направила на подготовку наступления? И после всего этого вы собираетесь просто сидеть в своей палатке?

Старый командующий медленно выпрямился. Он чувствовал, как внутри поднимается раздражение, но не позволил ему отразиться на лице. Перед ним стоял не обычный самонадеянный дворянин, которому случайно досталось место в штабе. Это был представитель Императорского окружения, тот самый ракшаас, чьи слова могли быть переданы в столицу в абсолютно любой интерпретации. Именно поэтому командующий и был вынужден, хотя и неохотно, склонить свою голову.

— Ваше превосходительство, ситуация на границе изменилась. Последняя волна изменённых существ была уничтожена до того, как достигла человеческих укреплений. Несколько наших групп не вернулись. Связь с ними отсутствует. Кроме того, мы потеряли мастера-артефактора, который обеспечивал безопасные маршруты через заражённые территории.

— И что? — перебил его молодой ракшаас.

Командующий на мгновение замолчал, не сразу поверив, что услышал именно это.

— Прошу прощения?

— Я спрашиваю, что из этого следует? — с раздражением повторил прибывший. — Вы потеряли несколько отрядов, и теперь собираетесь остановить всю операцию? Неужели вы хотите сказать, что Великая раса Ракшаас не способна справиться с несколькими человеческими крепостями?

— Дело не в крепостях, ваше превосходительство.

— А в чём же тогда?

— В том, что мы пока не знаем, кто именно уничтожил наши группы и каким образом человеческие войска смогли остановить волну изменённых существ.

Молодой ракшаас презрительно усмехнулся.

— Вы хотите сказать, что испугались людей?

При упоминании подобной глупости, старый командующий аж до зубовного скрежета стиснул челюсти. Он мог бы объяснить, что не боится людей. Он видел их армии, сра-

жался с ними, участвовал в кампаниях, когда ещё нынешние полководцы были детёнышами, которых носили на руках няньки. Он знал, как они воюют, как отступают, как теряют целые города и затем возвращаются с новыми армиями. Он видел человеческие войска, которые продолжали сражаться даже после того, как от их первоначального состава оставалась едва ли половина. Но сейчас он не боялся человеческих воинов. Он опасался неизвестного противника, который действовал настолько эффективно, что исчезали даже хорошо подготовленные группы ракшаас, а сведения о случившемся не доходили до штаба.

— Я не предлагаю отказываться от операции… — максимально спокойно произнёс старый воин. — Я предлагаю выяснить, что именно произошло, прежде чем отправлять новые отряды в неизвестность.

— Какая осторожность! — молодой ракшаас резко махнул рукой. — Вы, похоже, забыли, что командуете легионом Великой расы, а не сборищем испуганных торговцев. В вашем распоряжении достаточно воинов, чтобы смести эту человеческую крепость с лица земли. Но вместо этого вы придумываете какие-то жалкие оправдания.

Старый командующий опустил взгляд на карту. На мгновение ему показалось, что он видит не молодого благородного выскочку, а одного из тех многочисленных придворных, которые никогда не слышали свиста настоящего оружия над головой, зато с большим удовольствием объясняли ветера-

нам, как именно следует вести войну. Однако произнести это вслух он не мог.

— Ваше превосходительство, позвольте объяснить…

— Мне не нужны ваши объяснения!

Молодой ракшаас подошёл к столу и наконец взглянул на карту. Его взгляд скользнул по отметкам, которыми были обозначены заражённые участки, старые маршруты и исчезнувшие разведывательные группы.

Он нахмурился.

— Почему войска стоят так далеко от границы?

— Потому что между нами и человеческими укреплениями находится заражённая территория.

— И что?

— Перемещение крупных подразделений через неё без сопровождения мастеров-артефакторов сопряжено с серьёзным риском.

— У вас есть артефакторы?

— Было трое специалистов, которые могли выполнять такую работу. Один пропал. Двое других покинули район.

— Тогда верните их!

— Они не подчиняются мне напрямую.

— Вы командующий легионом! — выкрикнул молодой ракшаас. — Если не можете заставить собственных специалистов выполнять приказы, зачем вообще занимаете это место?

Старый воин почувствовал, как его пальцы сами собой

сжались. Вот теперь он действительно едва удержался от того, чтобы не ответить. Артефакторы были не обычными солдатами. Их готовили десятилетиями, иногда столетиями. Они знали, как очищать скверну, как прокладывать безопасные маршруты, как определять изменения её плотности и направлять потоки заражённой энергии в специальные накопители. Их работа позволяла легионам проходить по землям, на которых даже самые сильные воины не могли долго находиться без защиты. Таких специалистов нельзя было просто заменить приказом.

Но молодой ракшаас, по всей видимости, считал иначе. Он вообще не понимал, что именно происходит на границе. Или не хотел понимать. Его интересовали только результаты, которые можно было представить Императору. И судя по всему, он уже успел пообещать своему покровителю новые земли, новые победы и, возможно, даже несколько человеческих городов, которые можно было бы преподнести как доказательство собственной полезности.

Старый командующий вдруг понял, что именно его больше всего раздражает в происходящем. Не высокомерие. Не оскорбления. Даже не вмешательство в командование. Этот молодой ракшаас уже успел решить, что война является чем-то вроде придворной игры, в которой достаточно продемонстрировать решительность, чтобы получить награду. Он не понимал, что каждая ошибка на границе оборачивается гибелью тех, кого невозможно быстро заменить.

— Ваше превосходительство, — осторожно произнёс командующий, — я прошу вас обратить внимание на состояние территории. Если сейчас передвинуть войска к человеческим укреплениям, мы вынуждены будем провести их через заражённые участки. Без артефакторов потери могут оказаться значительными.

— Вы опять говорите о потерях!

— Потому что они уже есть.

— Потери неизбежны! — молодой ракшаас ударил ладонью по столу. — Или вы полагаете, что Император отправил меня сюда для того, чтобы я слушал ваши жалобы?

Старый воин молчал. Он прекрасно понимал, что разговор перестал быть военным совещанием. Теперь это было столкновение между разумным, который знал цену каждому бойцу, и придворным, которому требовалось продемонстрировать власть.

Молодой ракшаас выпрямился и повернулся к своим сопровождающим.

— Арестовать его.

На мгновение в палатке стало так тихо, что было слышно, как потрескивает фитиль одной из ламп. Старый командующий не сразу поверил, что приказ предназначен именно ему.

— Ваше превосходительство, — медленно произнёс он, — смею напомнить, что я назначен командовать этим легионом по указу военного совета.

— А я прибыл сюда по личному поручению Императора.

— Но для отстранения командующего…

— Вы ещё собираетесь спорить?!

Молодой ракшаас повернулся к нему, и на его лице появилось выражение, которое старый воин видел уже не раз у людей, впервые получивших возможность распоряжаться чужими судьбами. В нём смешались злость, раздражение и почти детская уверенность в том, что окружающие обязаны немедленно исполнять любое желание.

— Вы обвиняетесь в бездействии, неисполнении порученных задач и неспособности обеспечить продвижение легиона. До выяснения обстоятельств вы будете находиться под стражей. Командование принимаю на себя.

Один из телохранителей сделал шаг вперёд. Командующий посмотрел на него, затем на второго. Оба были молоды. Оба держались уверенно, но в их движениях не было той спокойной собранности, которая отличала настоящих ветеранов. Они привыкли охранять своего господина, сопровождать его на официальных приёмах и демонстрировать оружие тем, кто не имел права отвечать им грубостью. Сейчас же им предстояло арестовать ракшаас, под началом которого находились тысячи воинов.

— Вы понимаете, что делаете? — тихо спросил старый командующий.

— Прекрасно понимаю.

— Тогда прошу хотя бы выслушать последний доклад.

— Я сказал, что не намерен слушать ваши оправдания!

— Это не оправдания. Это сведения о состоянии легиона.

Молодой ракшаас резко обернулся.

— Довольно!

Он снова ударил по столу, отчего несколько небольших металлических предметов подпрыгнули и с глухим звоном упали на карту.

— С сегодняшнего дня все распоряжения будут проходить через меня. Войска должны быть передвинуты ближе к человеческой границе. Никаких задержек. Никаких отговорок. Разведывательные группы отправить вперёд. Если артефакторы отказываются выполнять обязанности, доставить их ко мне. Пусть объяснят, почему они считают возможным игнорировать приказы Империи.

Командующий медленно вдохнул.

— Ваше превосходительство, на отмеченных участках плотность скверны превышает допустимый уровень. Даже наши воины не смогут находиться там продолжительное время без защитных артефактов.

— Тогда пусть возьмут их с собой!

— Артефакты остались у пропавшего мастера.

— Значит, найдите новые!

Старый воин опустил глаза. Он уже не пытался объяснять. Не потому, что ему нечего было сказать, а потому, что понял, что сейчас каждое дополнительное слово лишь сильнее разозлит этого ракшаас, который просто никого не собирался слушать. Молодой ракшаас тем временем принялся рас-

сматривать карту. И только теперь командующий смог внимательно изучить его самого.

Доспех прибывшего действительно был необычным. Среди ракшаас существовали мастера, способные создавать поразительно красивые и прочные чешуйчатые панцири, но даже лучшие изделия не могли сравниться с тем, что сейчас находилось перед глазами старого воина.

Молодой благородный носил доспех из настолько мелких чешуек, что их отдельные границы почти исчезали. При малейшем движении они переливались, словно поверхность воды, по которой пробегала рябь. Чешуйки плотно прилегали друг к другу, повторяя изгибы тела, и создавали впечатление, будто на нём не броня, а тонкий слой живого металла. Такой доспех не просто защищал от оружия. Он был произведением искусства, демонстрацией богатства и положения владельца. Его изготовление требовало редчайших материалов, невероятной точности и труда мастеров, которые могли потратить годы на одну только подготовку чешуек. Но самым примечательным было не это. На груди, поверх переливающейся поверхности, находился небольшой щит в форме сердца.

Старый командующий едва заметно прищурился. Этот символ был знаком каждому, кто хоть раз видел представителей Императорской семьи. Именно так обозначали принадлежность к высшей династической линии. Не обязательно прямое право на престол, но достаточно близкое родство,

чтобы окружающие понимали, с кем имеют дело. И вот здесь возникала проблема.

Насколько старый воин знал, молодой ракшаас не был признанным наследником. Его происхождение оставалось предметом дворцовых пересудов, а никаких официальных указов о включении его в Императорскую линию наследования просто не существовало. Даже если он действительно являлся сыном государя, это ещё не означало, что ему позволено носить подобные знаки. Подобные доспехи не выдавали всем многочисленным бастардам Императора. И дело было не только в символике. Одни только материалы, использованные для создания подобного панциря, могли стоить целое состояние. Впрочем, старый воин довольно быстро понял, откуда могло появиться это снаряжение.

Он задумчиво перевёл взгляд ниже. На широком поясе, украшенном драгоценными камнями и сложной вышивкой, находилось множество небольших карманов. Каждый из них, судя по форме и едва заметным швам, был не просто вместилищем для мелочей, а отдельной пространственной сумкой. Внутренний объём таких предметов значительно превосходил их внешние размеры. В каждый можно было поместить несколько мешков груза, не увеличивая веса самого пояса. Само по себе это уже было редкостью. Но здесь таких карманов оказалось столько, что старый командующий невольно задумался, сколько же стоило всё это великолепие. Плащ, ниспадавший с плеч молодого ракшаас, был соткан

из паучьей ткани. Она почти не пропускала влагу, не намокала даже под сильным дождём и при этом сохраняла тепло в холодную погоду. Материал выглядел настолько тонким, что его можно было принять за обычную лёгкую ткань, но на деле он был прочнее многих человеческих тканей и стоил куда дороже. Сапоги тоже были настоящим произведением искусства. Мягкая кожа, сложный крой, тонкая вышивка по голенищам и аккуратные металлические застёжки. Даже императору не было бы стыдно появиться в подобной обуви на официальном приёме. На голове молодого ракшаас красовался тонкий обруч. Модное украшение последних лет.

Мифрил.

Серебристый металл, чрезвычайно редкий и ценимый не столько за исключительную прочность, сколько за сложность добычи и обработки. По прочностным характеристикам он уступал адамантиту, но его редкость и особые свойства делали изделия из него предметом роскоши.

Старый воин невольно усмехнулся про себя. Перед ним стоял не столько военный представитель Императора, сколько ходячее хранилище богатств. Так как, если кто-то решился бы вдруг собрать воедино всю стоимость одного только его снаряжения, то такой умник мог бы обеспечить два, а возможно, и три полноценных легиона на несколько лет всем необходимым. Причём речь шла не о жалких запасах для похода, а о полноценном снабжении. Продовольствии, оружии, снаряжении, ремонте, перевозках и содержании вспо-

могательных подразделений. И сейчас всё это было надето на молодого ракшаас, который, судя по его поведению, ещё ни разу не участвовал в настоящей кампании против реального противника.

Командующий не знал, получал ли тот богатства непосредственно от Императора или только от своей покровительницы при дворе. Скорее всего, значительная часть средств поступала именно от неё. Та самая наложница, занимавшая особое положение, вполне могла позволить себе подобные подарки. Её род был достаточно влиятельным, чтобы не опасаться за собственное положение из-за прихотей одной из многочисленных любовных связей государя. Но даже если это было так, никто не осмелился бы произнести подобное вслух. Особенно на границе, где молодой благородный мог чувствовать себя почти полновластным хозяином.

И именно здесь, вдали от столицы, от придворных интриг и тех, кто мог бы поставить под сомнение его происхождение, он мог позволить себе носить символ Императорской семьи. Здесь его окружали солдаты, чиновники и военные, которые были обязаны исполнять приказы. До Императора было далеко, а его собственные распоряжения могли решить судьбу любого ракшаас в лагере.

И старый командующий легионом всё это понял за несколько мгновений. Он снова склонил голову.

— Как прикажете, ваше превосходительство.

Молодой ракшаас удовлетворённо кивнул, словно только

что одержал важную победу.

— Вот и хорошо. Наконец-то вы начинаете понимать своё положение.

Он повернулся к сопровождающим.

— Что вы стоите? Я отдал приказ!

Один из телохранителей осторожно приблизился к командующему. Старый воин не стал сопротивляться. Он даже не потянулся к оружию, хотя его собственный меч находился всего в нескольких шагах. Так как он уже и сам прекрасно понимал, что любая подобная попытка не принесла бы ему ничего, кроме обвинения в открытом мятеже. А вот если бы он сейчас позволил себе хотя бы малейшее движение, молодой благородный получил бы прекрасный повод объявить его предателем и распорядиться о казни без какого-либо разбирательства. И только поэтому командующий легионом позволил взять себя под руки.

— Только одно, ваше превосходительство… — Глухо произнёс он, когда его повели к выходу. — Не отправляйте войска на заражённые участки без защитных артефактов.

Молодой ракшаас даже не обернулся.

— Я сам решу, что делать с войсками.

— Тогда хотя бы дождитесь возвращения артефакторов.

— Довольно!

Он резко повернулся и указал на выход.

— Уведите его. И проследите, чтобы он не мог связываться со своими прежними подчинёнными.

Старый командующий больше ничего не сказал. Когда его вывели из палатки, он успел заметить, как молодой ракшаас уже занял его место у стола. Тот наклонился над картой, провёл пальцем по нескольким линиям, затем подозвал одного из офицеров штаба.

— Вот здесь… — Высокомерно произнёс он, указывая на участок, отмеченный как заражённый. — Передвинуть туда передовые подразделения. Затем развернуть наблюдательные посты и подготовить проход для основных сил.

Офицер осторожно склонился.

— Ваше превосходительство, этот участок…

— Я знаю, что там находится.

— Но там высокая концентрация скверны. Без очищения территории…

— Я сказал, что знаю!

Молодой ракшаас снова ударил по столу.

— Вы все здесь слишком долго находились под командованием этого старого труса. Привыкли искать причины, по которым ничего нельзя сделать. Теперь всё будет иначе. Император поручил мне привести операцию к победе, и я намерен выполнить его волю.

Офицер опустил голову.

— Слушаюсь.

Он не стал возражать. Впрочем, старый командующий уже не мог этого видеть. Его вели по лагерю к отдельной палатке, где обычно содержали офицеров, временно отстра-

нённых от должности. Вокруг стояли привычные походные шатры, между ними сновали слуги, оружейники и обозные рабочие. Несколько воинов, узнав бывшего командира, замедлили шаг, но никто не осмелился заговорить. Слухи распространялись быстро. Уже через несколько минут почти весь штаб знал, что старый командующий арестован, а его место занял прибывший из столицы порученец Императора.

В самой палатке тем временем молодой ракшаас продолжал распоряжаться. Он приказал собрать старших офицеров, потребовал немедленно подготовить списки боевых подразделений, узнать количество доступных транспортных средств и выяснить, сколько припасов можно перебросить к передовым позициям. Затем велел отправить гонцов к артефакторам, которые покинули район, и потребовал, чтобы те вернулись не позднее следующего дня.

Ему не доложили, что оба мастера уже находились далеко за пределами лагеря и, скорее всего, не собирались возвращаться. Не сказали и о том, что один из них забрал с собой часть собственных инструментов, а второй заранее распорядился перевезти в безопасное место несколько накопителей для скверны. И всё только потому, что никто не хотел портить настроение новому командующему. Тем более что все понимали главное… Сейчас он чувствовал себя тем, которому принадлежит вся власть на этой территории.

Он не знал, что его распоряжения могут привести к гибели целых подразделений. Не понимал, что заражённые земли

не являются обычной полосой между двумя армиями, которую можно пересечь, просто приказав солдатам идти вперёд. И уж тем более не представлял себе того, почему прежний командующий так осторожно относился к исчезновению артефакторов.

Для него всё это было проявлением слабости. Он видел лишь карту, на которой находились человеческие крепости, и тысячи воинов, которые, по его мнению, должны были безоговорочно выполнять приказы. А ещё он видел возможность вернуться в столицу победителем. Возможно, именно после этого отец – Император похвалит его. Возможно, его имя начнут упоминать при дворе чаще. Возможно, та самая наложница, которая уже не раз осыпала его подарками, будет довольна тем, что её любимец сумел добиться успеха там, где старый воин оказался бессилен.

Сейчас он даже не сомневался в том, что сможет представить происходящее в выгодном свете. Если операция завершится победой, все заслуги достанутся ему. Если же что-то пойдёт не так, виноватыми окажутся прежний командующий, нерадивые офицеры и трусливые артефакторы, которые отказались выполнять приказы. Так было гораздо удобнее.

В это же время, в отдельной старой палатке, старый воин сидел на низкой деревянной скамье, глядя на закрытый вход. Рядом находились двое стражников. Они не разговаривали с ним, не пытались оскорблять и даже не смотрели слишком

долго в его сторону. Они знали, кто перед ними. И понимали, что ещё недавно этот ракшаас мог одним распоряжением отправить их в самое опасное место на границе.

Старый командующий провёл ладонью по лицу. Ему было не жаль собственной должности. За долгие годы службы он успел увидеть достаточно, чтобы не цепляться за звание ради одного только положения. Он мог бы спокойно принять отставку, если бы считал, что она поможет делу.

Но сейчас происходило нечто совершенно иное. Тот самый ракшаас, не понимающий ни природы скверны, ни особенностей войны на границе, получил возможность распоряжаться легионом. Он собирался передвигать подразделения по заражённой территории, отправлять разведчиков без надёжных проводников и требовать от специалистов того, чего они не могли выполнить. И никто не осмеливался его остановить.

Теперь уже бывший командующий легионом медленно опустил голову. Возможно, ему следовало попытаться предупредить офицеров. Но как? Через кого? Каждый, кто сейчас передавал бы его слова, рисковал попасть под подозрение в неподчинении новому командованию. Он знал, что некоторые из его прежних подчинённых достаточно умны, чтобы понять опасность. Но понимание не всегда спасало от исполнения приказа.

Вскоре снаружи раздался протяжный звук сигнального рога. Затем второй. И старый воин медленно поднял голову.

Он не знал, что именно происходит в лагере, но по последовательности сигналов понял, что начали готовить передвижение войск.

Тяжело вздохнув, он закрыл глаза.

— Безумец… — негромко произнёс он.

И впервые за долгие годы службы ему стало по-настоящему страшно. И не за себя. А именно за тех, кого он больше не мог защитить.

Хотя даже сейчас старый командующий не собирался сдаваться. Даже после того, как его вывели из штаба и поместили под охрану, слегка встряхнувшись, он продолжил требовать встречи с офицерами, пытался передать распоряжения через дежурных и несколько раз настойчиво объяснял стражникам, что новый командующий не понимает особенностей приграничной территории. Он не кричал и не угрожал. Напротив, говорил спокойно, почти устало, словно надеялся, что хотя бы один из тех, кто его слушает, сумеет оценить опасность происходящего.

Но всё это лишь сильнее раздражало молодого бастарда. Ведь ему сразу же сообщили о том, что арестованный им старик снова пытается вмешиваться в управление легионом, требует остановить передвижение войск и настаивает на том, чтобы никто не пересекал заражённые участки без сопровождения артефакторов. Более того, бывший командующий якобы заявил, что не признаёт полномочий нового начальника до получения соответствующего письменного подтвер-

ждения из столицы. И именно последнее известие особенно разозлило молодого ракшаас.

В тот момент он как раз сидел за столом, перед ним стояла чаша с дорогим напитком, а на разложенной карте уже появились новые отметки, обозначавшие предполагаемые маршруты продвижения. Вокруг находились несколько офицеров штаба, ожидавших дальнейших распоряжений. Один из них как раз докладывал о готовности передовых подразделений, когда вошедший гонец сообщил о поведении арестованного.

— Опять? — переспросил молодой благородный.

— Да, ваше превосходительство. Отстранённый вами командующий требует остановить подготовку к выдвижению.

— Он больше не командующий.

— Разумеется, ваше превосходительство.

— Тогда почему он всё ещё распоряжается *моими* войсками?

Гонец опустил голову.

— Он обращается к старым подчинённым. Некоторые офицеры продолжают прислушиваться к его словам.

Молодой ракшаас медленно поставил чашу на стол.

— Значит, он решил, что его положение позволяет ему спорить со мной даже после ареста?

Никто не ответил.

— Позвать ко мне начальника охраны.

Один из сопровождающих немедленно поклонился и вы-

шел. Молодой благородный поднялся, прошёлся вдоль стола и остановился у входа. Его тонкие чешуйки переливающегося доспеха тихо соприкоснулись друг с другом, когда он повернулся к вошедшему начальнику охраны.

— Старый командующий продолжает вмешиваться в управление легионом. Я не собираюсь терпеть подобное.

— Что прикажете сделать?

— Перевести его в отдельное помещение. Ограничить общение. Если продолжит распространять сомнения относительно моих распоряжений, пусть отвечает за неподчинение собственной головой.

— Понимаю.

— Нет, не понимаешь! — Резко бросил молодой ракшаас. — Он должен перестать мешать мне. Совсем.

Начальник охраны на мгновение задержал взгляд на лице своего господина, но быстро склонил голову.

— Будет исполнено.

Молодой благородный вернулся к столу. Он не стал уточнять, что именно подразумевает под последними словами. Ему было достаточно того, что приказ поняли правильно. Старый воин слишком долго находился на границе, слишком привык к собственной власти и, по всей видимости, решил, что его прежние заслуги дают ему право распоряжаться происходящим даже после появления настоящего представителя Императорской воли. Такое положение вещей необходимо было пресечь.

Когда начальник охраны вышел, молодой ракшаас ещё некоторое время смотрел на карту. Затем повернулся к офицерам.

— Позовите помощника бывшего командующего. Того, кто ведал текущими делами штаба и разведывательными группами.

Офицеры переглянулись.

— Помощника командующего, ваше превосходительство?

— Я недостаточно ясно выразился?

— Нет, ваше превосходительство. Немедленно исполним.

Помощник старого командира легиона появился практически сразу после вызова. Словно заранее ждал у входа. Это был ракшаас среднего возраста, уже не молодой, но ещё достаточно крепкий, чтобы самостоятельно участвовать в походах. Его чешуя имела тёмный бронзовый оттенок, на левом плече виднелся старый след от удара, а на поясе висел короткий меч в простых, ничем не украшенных ножнах. В отличие от нового начальника, он не носил роскошных доспехов и не пытался демонстрировать окружающим своё положение. Одежда была добротной, практичной, рассчитанной на длительное пребывание в походных условиях. Впрочем, скромность его внешнего вида не означала скромности намерений. Он давно занимал должность помощника командующего и считал себя вполне достойным того, чтобы однажды получить легион в собственное распоряжение. За дол-

гие годы службы он успел познакомиться с большинством офицеров, знал устройство снабжения, расположение запасных лагерей, особенности местности и основные разведывательные маршруты. Он участвовал в подготовке нескольких операций, а после каждого успеха старого командующего всё чаще ловил себя на мысли, что именно он выполняет значительную часть настоящей работы.

Старик получал награды, докладывал о победах, принимал благодарности вышестоящего начальства. Помощник же оставался в тени. Разумеется, он не говорил об этом вслух. И всё только потому, что сам слишком хорошо понимал, что открытое недовольство может погубить карьеру. Но мысль о том, что однажды командующий уйдёт в отставку, заболеет или погибнет, давно стала для него привычной. И вот теперь случай предоставил ему возможность, о которой он прежде мог только мечтать.

Старый командир арестован. Новый начальник прибыл непосредственно от Императора. И явно надолго здесь задерживаться не намерен. Так что ему точно потребуется тот, который знает местные дела и способен помочь разобраться в положении легиона. А кто мог подойти для этого лучше, чем прежний помощник?

Именно поэтому он быстро и не колеблясь ни мгновения, вошёл в палатку, остановился на положенном расстоянии и вежливо склонил голову.

— Ваше превосходительство.

Молодой ракшаас окинул его взглядом.

— Ты помощник прежнего командующего?

— Да, ваше превосходительство. Я ведал частью штабных дел, подготовкой распоряжений и взаимодействием с разведывательными подразделениями.

— Хорошо. Садись.

После этих слов помощник слегка удивился. Обычно подобные разговоры с представителями Императорского двора проходили стоя, особенно если речь шла о военных делах. Однако он не стал задавать вопросов и занял место на краю низкой скамьи. Молодой благородный некоторое время молчал, словно решая, с чего начать.

— Мне сообщили, что здесь всё было подготовлено для продвижения наших интересов на человеческой территории. Но прежний командующий почему-то не предпринимал решительных действий. Объясни, что именно вы сделали за последнее время.

Помощник чуть заметно склонил голову.

— Если говорить о подготовке, ваше превосходительство, то многое действительно было сделано. Мы изучили основные пути снабжения человеческих крепостей, установили наблюдение за несколькими торговыми маршрутами, подготовили посредников и обеспечили возможность перемещения небольших групп через заражённые участки.

— И всё?

— Нет, ваше превосходительство. Кроме того, были со-

зданы несколько разведывательных ячеек. Они собирали сведения о численности гарнизонов, расположении складов, состоянии стен и запасах продовольствия. Часть информации поступала через человеческих торговцев, часть — от людей, связанных с местными религиозными общинами.

— Значит, вы были готовы?

— В значительной степени.

— Тогда почему ничего не произошло?

Помощник выдержал небольшую паузу.

— Потому что несколько наших групп не вернулись.

Молодой ракшаас прищурился.

— Каких именно?

— В первую очередь тех, что были направлены для проверки одного участка возле человеческой крепости. Первоначально предполагалось, что там действует опасная тварь, способная обнаруживать наши передвижения. Она представляла угрозу не только для разведчиков, но и для тех, кто занимался очищением территории.

— Тварь?

— Да, ваше превосходительство.

— Какая именно?

— Точного описания у нас нет. Первые сведения поступали от наблюдателей, которые замечали следы неизвестного существа. Затем несколько групп сообщили о странных исчезновениях. Судя по последним донесениям, прежний командующий решил, что речь идёт о хищнике, способном

охотиться на наших воинов.

Молодой благородный слегка подался вперёд.

— И вы позволили такой твари свободно действовать практически вплотную к *нашей* территории?

— Мы пытались разобраться. Для этого была организована полноценная охота.

— Продолжай.

После слова “охота” помощник практически сразу заметил перемену в его лице. До этого молодой ракшаас слушал с явным раздражением, словно ему приходилось выслушивать оправдания нерадивых подчинённых. Но стоило заговорить о неизвестном существе, которое охотилось на представителей его народа, как в его взгляде появилось настоящее любопытство.

И опытный помощник решил этим воспользоваться.

— Насколько мне известно, ваше превосходительство, была подготовлена засада. В ней участвовали несколько разведывательных подразделений. В состав одной из групп входил офицер, хорошо знакомый с местностью, а также мастер-артефактор. Предполагалось, что они смогут обнаружить существо, определить его особенности и уничтожить до того, как оно нанесёт новый ущерб.

— И?

— Они не вернулись.

Молодой ракшаас медленно выпрямился.

— Все?

— По имеющимся сведениям, да.

— Сколько воинов?

— Точное число я пока не могу назвать. Донесения противоречивы. Вся информация была в руках отстранённого вами старика. Но речь точно идёт о нескольких группах. Среди пропавших были офицеры, опытные бойцы и один артефактор.

— Артефактор?

Последнее слово прозвучало совсем иначе. Помощник кивнул.

— Да, ваше превосходительство.

Молодой благородный на несколько мгновений замер. Его пальцы медленно сомкнулись на краю стола. Драгоценные камни на широком поясе отразили свет ламп, а тонкие чешуйки на груди едва слышно зашуршали, когда он наклонился вперёд.

— Ты хочешь сказать, что один из наших мастеров погиб?

— Мы пока не располагаем подтверждением гибели. Он не вернулся… Хотя должен был идти вместе с группой, и связь с ним отсутствует. Но, учитывая обстоятельства…

— Ты хочешь сказать, что он погиб! — резко перебил молодой ракшаас.

Помощник опустил голову.

— Я не могу утверждать это наверняка, ваше превосходительство. Однако вероятность подобного стечения обстоятельств весьма высока.

После этих слов в палатке несколько мгновений стояла практически гробовая тишина.

Затем молодой благородный вскочил.

— Как такое вообще могло произойти?!

Он ударил ладонью по столу, и стоявшая рядом чаша опрокинулась. Напиток растёкся по деревянной поверхности, но никто не осмелился даже пошевелиться, чтобы убрать его.

— Артефактор! Вы потеряли артефактора?! Вы хоть понимаете, что говорите?

Помощник молчал. Ведь он сейчас уже и сам прекрасно видел то, что тот просто переигрывает. Ему уже явно сам бывший командующий легиона докладывал об этом? Но тогда его совсем не интересовали потери такого рода. Зато теперь его возмущению не было границ.

— Да мы можем потерять сотню воинов! Можем потерять целый легион! Но артефакторы не должны погибать из-за чьей-то глупости! Они нужны Империи! Они нужны каждому легиону! Без них вы даже не сможете пройти по заражённой земле!

Он резко обернулся к помощнику.

— Кто отвечал за эту охоту?

— Непосредственно её подготовкой занимался прежний командующий.

— Значит, он!

Молодой ракшаас указал в сторону выхода, словно старый

воин всё ещё стоял там и мог услышать его слова.

— Этот старый бездарь не только остановил наступление, но и позволил погибнуть мастеру, который должен был обеспечивать безопасные маршруты! Он отправил его на смерть!

— Ваше превосходительство, возможно, обстоятельства были несколько сложнее…

— Молчать!

Помощник немедленно и виновато склонил голову. Хотя внутри у него сейчас всё ликовало. Он прекрасно знал о том, что старый командующий не отправлял артефактора на смерть намеренно. На самом деле тот долго колебался, прежде чем разрешить проведение операции, и даже требовал, чтобы разведывательная группа имела дополнительное сопровождение. Но сейчас все эти подробности были совершенно не нужны.

Более того, помощник понимал, что прямое обвинение старого командира может оказаться весьма полезным. Если новый начальник решит, что его предшественник виновен в гибели столь ценного специалиста, вернуть прежнее положение тому будет практически невозможно. А если арестованный старик ещё и погибнет во время разбирательства, вопрос о его возможном возвращении на должность исчезнет сам собой.

— Где сейчас находится прежний командующий? — спросил молодой ракшаас.

— В отдельной палатке под охраной.

— Он всё ещё жив?

Помощник слегка поднял голову.

— Насколько мне известно, да.

— Тогда это необходимо исправить. Немедленно!

Он резко повернулся к начальнику охраны, стоявшему у входа.

— Немедленно казнить бывшего командующего. Он обвиняется в гибели артефактора, неисполнении приказов и саботаже операции на границе.

Помощник на мгновение замер. Он рассчитывал на то, что старого воина окончательно отстранят, возможно, отправят под суд или заставят отвечать за провал операции. Но столь поспешный приказ о казни оказался даже для него неожиданным.

— Ваше превосходительство, — осторожно произнёс он, — возможно, сначала следовало бы получить подтверждение обстоятельств гибели мастера…

Молодой ракшаас медленно повернул к нему голову.

— Ты сомневаешься в моём решении?

— Нет, ваше превосходительство.

— Тогда не вмешивайся.

Помощник склонился ещё ниже.

— Как прикажете.

Начальник охраны поклонился и вышел. Молодой благородный ещё несколько мгновений стоял неподвижно, тяжело дыша. Затем его раздражение постепенно сменилось другим

чувством. Практически ничем не скрытым интересом.

— Расскажи мне об этой твари подробнее.

Помощник поднял глаза.

— О существе, на которое была организована охота?

— Разумеется. Что это за животное? Насколько оно опасно? Как оно выглядит?

— К сожалению, точного описания у нас нет. По некоторым сведениям, оно способно скрываться от наблюдения и обнаруживать приближение разведчиков. Возможно, использует какие-то особые способы маскировки.

— А как оно убивает?

— Этого мы тоже не знаем.

— Значит, оно уничтожило несколько наших групп, включая офицеров и артефактора, а вы даже не знаете, как оно выглядит?

Помощник снова виновато склонил голову.

— Именно поэтому прежний командующий и организовал засаду.

Молодой ракшаас медленно провёл языком по острым зубам. В его взгляде появилось что-то хищное. Ракшаас с самого рождения отличались особым отношением к добыче. Даже детёныши, ещё не научившиеся толком пользоваться оружием, с интересом наблюдали за разделкой туш и охотно пробовали мясо свежезагубленных животных. Взрослые воины сохраняли эту особенность всю жизнь. Для них охота была не просто способом добыть пищу или проверить

собственные силы. Она являлась частью древней традиции, в которой убийство сильного противника считалось доказательством личного превосходства. Особенно ценилось мясо опасных существ, способных дать отпор самому охотнику.

Некоторые воины даже утверждали, что вкус свежей плоти поверженного врага невозможно сравнить ни с одним приготовленным блюдом. В этом была доля ритуала, доля древнего инстинкта и немало гордости. Победитель должен был сам ощутить, что одолел опасного противника. И сейчас перед молодым благородным открывалась возможность, которая казалась ему чрезвычайно привлекательной. Неизвестная тварь уничтожила несколько отрядов ракшаас. Возможно, убила офицеров. Возможно, погубила артефактора. Если он сумеет найти её и собственноручно прикончить, то сможет вернуться к отцу с доказательством своей силы. А если существо окажется действительно необычным, то его голова станет весьма ценным трофеем.

Он даже представил себе в красках то, как входит в Императорские покои, где находятся приближённые государя, и кладёт перед ним доказательство собственной победы. Не очередной доклад, не бумагу с печатями и не рассказ о том, что где-то далеко на границе удалось занять несколько бесполезных деревень. А именно настоящий трофей. То, что нельзя будет оспорить. Возможно, тогда отец – Император наконец перестанет воспринимать его как одного из многочисленных внебрачных отпрысков. Возможно, его начнут

приглашать на более важные приёмы. Возможно, кто-нибудь из членов императорской семьи будет вынужден признать, что он способен на нечто большее, чем тратить чужие деньги и демонстрировать дорогие украшения.

— Значит, это существо всё ещё где-то там? — спросил он.

— По последним сведениям, оно могло находиться в районе, где была организована засада. Но после исчезновения группы никто не проверял место повторно.

— Почему?

— Прежний командующий запретил отправлять туда новые подразделения до выяснения обстоятельств.

Молодой ракшаас усмехнулся.

— Конечно. Он ведь предпочитал сидеть в палатке.

Помощник не стал возражать.

— Ты знаешь, где находится эта засада?

— Да, ваше превосходительство. Я могу показать вам участок на карте.

— Не нужно. Ты покажешь мне его на местности.

Помощник чуть заметно поднял голову.

— Лично?

— А что тебя удивляет?

— Ничего, ваше превосходительство. Просто я хотел бы уточнить, сколько воинов следует подготовить для сопровождения.

— Возьмём мою охрану. И ещё нескольких бойцов из ле-

гиона.

— Возможно, следовало бы взять более многочисленный отряд.

— Зачем? — Молодой ракшаас презрительно посмотрел на него. — Я собираюсь охотиться, а не штурмовать человеческую крепость.

— Но если существо действительно уничтожило несколько наших групп…

— Тем лучше.

Он оскалился.

— Значит, оно достойно того, чтобы я лично его убил.

Помощник поспешно склонил голову, скрывая выражение лица.

— Как прикажете, ваше превосходительство.

— Сколько воинов ты предлагаешь взять?

— Достаточно, чтобы обеспечить безопасность. Помимо вашей охраны, я бы рекомендовал двух опытных бойцов из числа местных подразделений. Они знают эту территорию и смогут помочь с передвижением.

— Хорошо. Двух.

— Также, возможно, стоит взять одного проводника.

— Ты сам будешь проводником.

— Разумеется.

— И ещё двух воинов. Не больше. Я не хочу, чтобы вся армия узнала, что мы отправились охотиться на какую-то там дикую тварь.

Помощник поклонился.

— Будет исполнено.

Молодой ракшаас уже перестал смотреть на карту. Он направился к своему снаряжению, проверил застёжки пояса, поправил плащ из паучьей ткани и провёл пальцами по мифриловому обручу.

— Сколько времени потребуется на сборы?

— Если выступить немедленно, мы сможем добраться до района засады до наступления темноты.

— Тогда не теряй времени.

Он повернулся к одному из телохранителей.

— Подготовить оружие. Возьмите копья, короткие клинки и всё необходимое для охоты. Мои личные вещи не трогать. Плащ должен оставаться чистым.

Телохранитель поклонился.

— Слушаюсь.

— И позаботьтесь о переносных сумках. Я не собираюсь возвращаться с пустыми руками.

Помощник снова ощутил, как внутри поднимается удовлетворение. Всё складывалось даже лучше, чем он рассчитывал. Новый начальник не только собирался лично отправиться в опасный район, но и намеревался взять с собой небольшую группу, практически не имея представления о том, что там произошло. Он уже видел в своём воображении последствия. Если охота завершится успехом, молодой благородный получит трофей, а помощник сможет заявить, что

именно он помог ему найти опасного противника. Если же произойдёт нечто неприятное, то виноватым снова окажется прежний командующий, который отправил разведчиков в неизвестность и не сумел подготовить безопасный маршрут. В обоих случаях старый воин переставал быть препятствием. А после его смерти помощник мог рассчитывать на то, что новый начальник будет нуждаться в опытном ракшаас, знающем устройство легиона. Он не собирался упускать такую возможность.

Сборы заняли меньше времени, чем предполагалось. Личная охрана молодого ракшаас состояла из нескольких хорошо вооружённых бойцов, но в походную группу он взял только двоих. К ним присоединились два воина из числа местных подразделений, которых помощник выбрал сам. Оба были достаточно опытны, знали особенности заражённой территории и уже участвовали в патрулировании окрестностей.

Сам помощник вооружился коротким мечом и взял небольшую сумку с необходимыми принадлежностями. Совершенно случайно, естественно, не забыв прихватить и имущество приговорённого к смерти командира легиона. Как не крути, но всё это стоило значительных средств. И сейчас ему категорически не хотелось, чтобы пока они будут на этой охоте, кто-то другой прибрал к рукам то, на что он сам так долго облизывался. Благо, что у того старого служаки имелась весьма вместительная сумка путника, которой его бывший подчинённый и воспользовался.

Молодой благородный, напротив, уделил своему снаряжению немало внимания. Он проверил крепления доспеха, убедился, что все пространственные карманы на поясе закрыты, а затем выбрал длинное копьё с широким наконечником. На древке имелись серебристые полосы, а возле основания располагалась небольшая металлическая вставка, в которой был закреплён камень души. Оружие выглядело дорогим, но вполне боеспособным. К нему добавлялся короткий клинок, висевший у пояса, и пара тонких метательных пластин, которые молодой ракшаас с особенной гордостью называл своим личным оружием. Он не собирался идти на охоту без всего этого.

— Проводник готов? — спросил он.

— Да, ваше превосходительство.

— Тогда выступаем.

Палатку покинули без лишних церемоний. На выходе их встретили несколько офицеров, которые явно не понимали, почему новый командующий собирается покидать лагерь в такой момент. Один из них попытался обратиться к молодому благородному с докладом о подготовке передовых подразделений, но тот лишь отмахнулся.

— Все распоряжения остаются в силе. Войска готовить к выдвижению. Ожидать моего возвращения.

— Но, ваше превосходительство, некоторые участки…

— Я уже отдал приказ!

Офицер немедленно замолчал. Помощник заметил, что

тот хотел сказать что-то ещё, но не решился. Впрочем, он и сам не собирался вмешиваться. Чем меньше людей задавали вопросы, тем легче было сохранить видимость порядка.

Вскоре их отряд покинул лагерь через восточный проход. Сначала дорога шла по относительно безопасной территории, где ещё сохранялись следы прежних стоянок. Затем местность начала меняться. Почва становилась темнее, отдельные участки покрывал тонкий налёт серого вещества, а между камнями проступали неестественные прожилки, напоминавшие засохшие корни. Молодой ракшаас несколько раз останавливался, рассматривая окружающее пространство.

— И здесь проходили наши группы?

— Да, ваше превосходительство.

— А где находились посты наблюдения?

Помощник указал на небольшой каменный выступ.

— Один из них располагался там. Второй — за теми деревьями. Ещё несколько находились дальше, ближе к расщелине.

— И все исчезли?

— Не все. Некоторые посты были оставлены раньше. Но с теми, кто находился на передовых позициях, связь прервалась.

Молодой благородный недовольно хмыкнул.

— Удивительно, как много у вас здесь пропадает.

Помощник промолчал. Они продолжили путь. Чем даль-

ше отряд уходил от лагеря, тем сильнее становились признаки заражения. На стволах деревьев появились тёмные полосы, некоторые ветви приобрели странный сероватый оттенок, а в низинах лежал едва заметный туман. Он не был похож на обычную влагу. Даже при слабом ветре его клочья двигались слишком медленно, словно цеплялись за камни и корни. Один из воинов несколько раз проверил защитную пластину на своём предплечье.

— Здесь скверна сильнее, чем я помню. — Негромко заметил он.

— Не отвлекайся! — Коротко бросил помощник.

— Я просто говорю, что…

— Я слышал.

Молодой ракшаас обернулся.

— Что там?

— Ничего опасного, ваше превосходительство… — тут же поспешно ответил помощник. — Мы уже близко.

— Тогда идём быстрее.

Он явно не желал признавать, что окружающая местность вызывает у него беспокойство. Впрочем, его можно было понять. Впервые за долгое время он оказался вдали от дворцовых стен и охраняемых резиденций, где каждое движение было предусмотрено заранее. Здесь не было слуг, готовых принести воду, лекарей, которые могли бы немедленно обработать рану, и десятков воинов, стоявших за дверями. Здесь была только заражённая земля. Но молодой благородный не

собирался отступать. Он уже представлял, как обнаруживает чудовище, вступает с ним в бой и возвращается с доказательством собственной победы. Возможно, ему даже удастся привезти голову существа в столицу, где её выставят перед придворными. Пусть все увидят, что он не просто носит дорогой доспех и пользуется расположением влиятельной наложницы. Он способен на настоящие подвиги.

— Сколько ещё? — спросил он.

— Не более часа, ваше превосходительство.

— Хорошо.

Помощник указал на узкий проход между каменными выступами.

— Засада находилась за тем холмом. Там есть старая расщелина, через которую раньше проходили наши разведчики. Место удобное для наблюдения. Именно оттуда можно было контролировать часть территории возле человеческой крепости.

— И там погиб артефактор?

— Вероятно.

— Тогда мы начнём именно оттуда.

Он ускорил шаг. Никто из сопровождавших его воинов не стал возражать. К месту засады они добрались ближе к вечеру. Помощник ожидал увидеть следы недавнего боя, возможно, остатки снаряжения или повреждённые деревья. Но то, что предстало перед ними, оказалось куда менее понятным.

Узкий проход между скалами был перекрыт несколькими старыми деревьями. Их стволы выглядели обычными, но расположение было слишком правильным, чтобы считать его случайным. На земле виднелись следы прежнего присутствия ракшаас, однако часть из них уже скрылась под слоем пыли и опавших листьев. Помощник остановился.

— Здесь.

Молодой благородный огляделся.

— Где именно была засада?

— На противоположном склоне есть проход в то самое место, где находился наблюдательный пункт. Разведчики могли видеть проход и подходы к расщелине.

— А где они сами?

— Не знаю, ваше превосходительство.

— Следы?

— Должны быть.

Один из воинов присел и провёл ладонью над землёй.

— Здесь что-то происходило.

Он указал на несколько глубоких отметин, оставленных тяжёлым предметом.

— Возможно, здесь стояло крупное существо.

Молодой ракшаас сразу повернулся к нему.

— Крупное?

— Судя по следам. Но они старые, и я не могу определить, кому принадлежат.

Благородный подошёл ближе, наклонился и внимательно

осмотрел землю. Его дыхание участилось.

— Значит, оно действительно здесь было.

— Возможно… — осторожно ответил помощник.

— Не “возможно”. Мы точно нашли его следы.

Он выпрямился и посмотрел в сторону расщелины.

— Расскажите мне, как проходила охота.

Помощник начал объяснять, что разведчики должны были занять несколько позиций, дождаться появления существа и перекрыть ему путь отхода. Затем предполагалось использовать подготовленные средства поражения, чтобы не дать противнику приблизиться к себе на опасное расстояние.

Молодой благородный слушал это всё с явно возрастающим интересом. Он уже не думал о том, что старый командующий предупреждал его об опасности. Не вспоминал о высокой концентрации скверны и не задумывался о том, почему целая группа опытных воинов могла исчезнуть, не оставив после себя понятных следов. Перед ним находилась территория, на которой, возможно, обитало необычайно опасное существо. И он собирался его убить.

— Разведчики должны были ждать здесь? — спросил он.

— Да, ваше превосходительство.

— Тогда мы продолжим с этого места.

— Возможно, сначала стоит проверить окрестности и убедиться, что поблизости нет других опасностей.

Молодой ракшаас повернулся к нему.

— Ты ведь сам сказал, что это место засады?

— Да.

— Тогда зачем нам искать что-то ещё? Если тварь уничтожила наших воинов, она должна была находиться поблизости. Мы найдём её следы и выйдем на неё.

Помощник не ответил. Он уже начинал понимать, что молодой благородный совершенно не собирается возвращаться в лагерь до тех пор, пока не получит желаемого. И, что хуже всего, его собственные слова о неизвестном существе превратились в приманку, которую тот теперь не желал отпускать.

— Хорошо… — наконец произнёс помощник. — Тогда я покажу вам место, откуда разведчики наблюдали за проходом.

Он направился к склону. Молодой ракшаас последовал за ним, крепко сжимая копьё. Двое сопровождавших воинов двигались чуть позади, внимательно осматривая окружающие деревья. Один из них снова проверил защитную пластину на груди. Второй несколько раз оглянулся на дорогу, по которой они пришли.

Помощник же, поднимаясь по каменистому склону, думал о том, что теперь ему следовало сделать самое главное — не позволить новому командующему вернуться к прежнему плану слишком быстро. Если охота затянется, если они обнаружат ещё какие-нибудь следы, если молодой благородный решит лично проверить каждую подозрительную тропу, то у помощника появится время закрепить своё положение в ла-

гере. Он уже почти видел себя во главе легиона. И не замечал, что ведёт своего нового господина туда, где исчезли те самые ракшаас, которые знали эту территорию гораздо лучше него.

А где-то впереди, за каменными выступами и переплетёнными корнями деревьев, оставались следы той самой засады, которая так и не дождалась возвращения своих хозяев…

……..

Сначала всё происходящее казалось молодому благородному вполне приятной прогулкой. Он шёл впереди, слегка приподняв подбородок, время от времени поглядывая на окружающие скалы и деревья с выражением разумного, которому показывают нечто любопытное, но совершенно не опасное. Его плащ из паучьей ткани свободно колыхался за спиной, драгоценные камни на поясе поблёскивали при каждом движении, а тонкий мифриловый обруч на голове отражал тусклый свет, пробивавшийся сквозь ветви. В одной руке он держал копьё, другой иногда касался застёжек на груди, словно проверял, насколько хорошо сидит его великолепный доспех.

За ним следовали телохранители. Они тоже не особенно торопились, переговаривались между собой и время от времени отпускали замечания по поводу неприветливого вида здешних мест. Один из них даже позволил себе пошутить, что человеческие земли, должно быть, настолько бедны, что даже деревья здесь растут кривыми и уродливыми.

Молодой благородный рассмеялся.

— Зато скоро здесь будет порядок… — заявил он. — Когда мы закончим, от этих жалких людей останутся только те, кто сумеет вовремя склонить головы.

Его спутники поддержали смех. Помощник бывшего командующего шёл чуть позади, стараясь не отставать от нового начальника. Он тоже не чувствовал особенного беспокойства. В его представлении опасность уже осталась позади. Они скоро найдут место прежней засады, осмотрятся на месте, найдут нужные им следы, убедятся в том, что поблизости нет ничего, способного помешать небольшой группе вооружённых ракшаас. Так что теперь им оставалось лишь пройти по известному маршруту, найти убежище неизвестного существа, а затем предоставить молодому благородному возможность проявить себя. Впрочем, он не слишком хорошо представлял, что именно подразумевает под этим последним пунктом.

Сам он ранее никогда не участвовал в настоящих полевых операциях подобного рода, если не считать нескольких выездов вместе со штабными группами, когда требовалось осмотреть расположение подразделений, проверить состояние складов или передать распоряжения удалённым постам. Это называлось полевой работой, но к настоящей войне имело весьма отдалённое отношение. Ему приходилось видеть раненых, слышать рассказы о сражениях, изучать донесения и даже присутствовать при допросах пленных. Шрамы,

что у него имелись, этот хитрый разумный нанёс себе сам. Чтобы выглядеть заслуженным воином. Но самому пробираться через заражённый лес, часами лежать в грязи, следить за едва заметными изменениями на земле и ждать, пока противник допустит ошибку, ему точно не доводилось. Поэтому здешняя обстановка казалась ему неприятной, но не настолько опасной, чтобы менять привычное поведение. Тем более что рядом находился представитель Императорского окружения. А это, как полагал помощник, должно было иметь значение для всех, кто мог оказаться поблизости. К тому же, перед самым выходом из лагеря, пользуясь тем, что он сам оказался "приближённым" к представителю Императорской семьи, помощник бывшего командующего приказал быстро собрать всё имущество приговорённого к смерти командира легиона, упаковать его в сумку путника, и забрал этот "груз" с собой. Ведь он и сам прекрасно понимал, что как только они покинут лагерь легиона, найдётся много желающих прихватить чужое, но ставшее бесхозным имуществом. А ведь там было много интересного… Включая даже… Казну легиона… К которой хитрый ракшаас пытался подобраться долгие годы…

Ракшаас жили значительно дольше людей. Триста лет для представителя их народа не считались чем-то необычным, а отдельные особи, обладавшие крепким телом и достаточными средствами для поддержания здоровья, могли прожить ещё дольше. За такой срок можно было накопить огромный

опыт, пройти несколько военных кампаний, увидеть смену поколений правителей и даже застать события, которые для человеческих государств давно превратились в легенды. Возможно, именно эта особенность была одной из причин низкой рождаемости. Впрочем, учёные и жрецы спорили об этом уже многие столетия, приводя самые разные объяснения. Одни говорили о древнем замысле, другие — о природе самой расы, третьи связывали малое количество потомства с особенностями их жизненной силы. Но сейчас никто из шедших по каменистому проходу не собирался обсуждать подобные вопросы.

Для старых воинов легиона куда важнее было другое. Они прекрасно знали, что долгая жизнь не делает ракшаас неуязвимым. Напротив, именно потому, что каждый опытный воин мог служить несколько человеческих поколений, его потеря становилась особенно болезненной. Те, кто провёл на границе не один десяток лет, давно перестали считать себя хозяевами этой земли. Они уже прекрасно знали о том, насколько обманчивой бывает тишина, как быстро меняется поведение заражённой территории и как легко можно погибнуть из-за самой незначительной оплошности. Некоторые из них служили здесь уже больше сотни лет. Они помнили времена, когда заражённые земли были гораздо шире, когда целые отряды исчезали в тумане, а возвращавшиеся рассказывали о местах, где деревья двигались против ветра и камни оставляли на коже ожоги. Они видели, как менялись марш-

руты, как исчезали старые проходы, как скверна поглощала целые участки леса, а затем отступала, оставляя после себя странные пустоши.

И именно эти ветераны сейчас испытывали всё более сильное беспокойство. Дело было даже не в том, что они находились за пределами привычных укреплений. Подобные переходы случались и раньше. Некоторые из них проходили через заражённые районы гораздо глубже, чем нынешний отряд. Они умели двигаться бесшумно, не оставлять следов, различать свежие повреждения на коре и замечать едва заметное изменение положения ветки. Но сейчас их основная проблема заключалась именно в тех, кто шёл рядом. Молодой благородный и его охрана вели себя так, словно находились в столичном саду. Они разговаривали достаточно громко, чтобы их можно было услышать на значительном расстоянии. Не пытались выбирать мягкие участки почвы, обходить сухие ветви или избегать открытых пространств. Один из телохранителей даже несколько раз ударил древком копья по камням, проверяя, насколько крепко они лежат. При каждой подобной глупости старые воины невольно морщились.

— Тише… — негромко произнёс один из них, когда разговор сопровождающих стал особенно громким.

Телохранитель тут же повернул к нему голову.

— Что?

— Здесь не следует шуметь.

— Почему?

Ветеран посмотрел на него так, словно тот спросил, зачем в бою нужно держать оружие.

— Потому что мы не знаем того, кто может находиться поблизости.

— А если и находится, то что? — усмехнулся телохранитель. — Пусть выходит. Посмотрим, насколько он силён.

Старый воин не ответил. Он лишь снова посмотрел на окружающие скалы. Чуть дальше, на небольшом выступе, лежал камень с тёмной полосой по краю. Ветер не мог оставить такой след. Камень недавно сдвигали, а затем вернули на место. Ветеран заметил это ещё несколько минут назад, но не стал останавливаться, потому что новый начальник торопил группу.

Теперь он пожалел об этом.

— Ваше превосходительство, — обратился он к молодому благородному, стараясь говорить достаточно почтительно, — предлагаю немного изменить порядок движения. Лучше держаться ближе к склону и не выходить на открытые участки.

Молодой ракшаас даже не обернулся.

— Зачем?

— Здесь слишком много мест, откуда можно вести наблюдение.

— Мы сами ведём наблюдение.

— Но мы не знаем, что находится впереди.

— Именно для этого мы сюда и пришли.

Ветеран сдержал вздох.

— Разрешите хотя бы выдвинуть одного разведчика.

— У нас есть проводник.

— Проводник не заменяет разведчика.

Молодой благородный наконец повернулся.

— Ты что, тоже собираешься учить меня военному делу?

— Нет, ваше превосходительство. Я лишь хочу обратить ваше внимание на опасность.

— Опасность? — Тот усмехнулся. — Вы уже несколько часов рассказываете мне об опасностях. Сначала заражённая земля, потом неизвестная тварь, теперь какие-то наблюдатели. Неужели вы все здесь настолько привыкли бояться собственной тени?

Телохранители снова засмеялись. Старый воин опустил голову. Он мог бы ответить, что за последние месяцы здесь пропали несколько хорошо подготовленных групп, а их участники были куда опытнее нынешнего отряда. Мог бы напомнить, что среди исчезнувших находились специалисты, способные обнаруживать изменения в скверне и определять безопасные маршруты. Но уже понимал, что подобные слова ничего не изменят. Молодой благородный воспринимал предупреждения как личное оскорбление. И всё же ветеран не собирался прекращать попытки.

Чуть позже он обратился к другому сопровождавшему:

— Не отставай от группы. И смотри под ноги.

— Да что с вами сегодня? — раздражённо ответил тот. —

Мы идём по обычному проходу.

— Он только кажется обычным.

— Если ты так боишься, возвращайся в лагерь.

— Я здесь не для того, чтобы обсуждать с тобой свои страхи.

— Тогда не мешай нам идти.

Разговор закончился ничем. Помощник бывшего командующего слышал эту перепалку, но предпочёл не вмешиваться. Ему не хотелось портить отношения с новым начальником, а тем более вступать в спор с его личной охраной. К тому же он всё ещё был уверен, что после возвращения его положение изменится. Возможно, уже сегодня он станет исполняющим обязанности командующего легионом. А если молодой благородный действительно сумеет уничтожить неизвестную тварь, то именно помощник будет тем, кто привёл его к победе. Он уже представлял, как расскажет об этом в штабе. Как объяснит, что старый командир слишком долго сомневался, а он сам сумел проявить решительность и обеспечить новому начальнику возможность отличиться. Как ему доверят больше полномочий, а затем, возможно, и официально назначат на освободившееся место. Мысли были приятными. Настолько, что он почти перестал замечать дорогу.

Проход постепенно сужался. Скальные стены по обе стороны становились выше, а между ними оставалась лишь извилистая полоса земли, местами покрытая мелкими камня-

ми и сухими корнями. В нескольких местах приходилось пригибаться, чтобы не задевать нависающие ветви. Впереди виднелась расщелина, которую старые разведчики использовали как проход между двумя участками заражённой территории. Это был не широкий туннель, а естественный разлом в камне, достаточно просторный для нескольких воинов. Его края были сглажены временем, а на некоторых участках виднелись старые следы инструментов. Когда-то здесь, вероятно, проходили люди или звери, но теперь маршрут использовался преимущественно ракшаас. Он позволял обойти один из наиболее опасных заражённых участков и выйти практически в тыл человеческой пограничной линии. Именно поэтому прежний командующий так дорожил этим проходом.

Его существование давало возможность наблюдать за человеческими позициями, не приближаясь к основным дорогам. Отсюда можно было следить за перемещениями патрулей, изучать маршруты снабжения и при необходимости направлять небольшие группы в обход укреплений. Но после исчезновения разведчиков проход перестал считаться безопасным. Старые воины помнили это. Они знали, что прежние группы не вернулись именно отсюда. Неизвестно было, что случилось с ними дальше, но никто из тех, кто находился в легионе достаточно долго, не сомневался в том, что просто так несколько опытных ракшаас не исчезают.

— Остановитесь… — тихо произнёс один из ветеранов.

Молодой благородный раздражённо повернулся.

— Что ещё?

— Впереди проход сужается. Лучше двигаться по одному.

— Мы и так не можем идти вширь.

— Я имею в виду дистанцию между воинами.

— И что это изменит?

Ветеран посмотрел на него.

— Если впереди ловушка, все не должны оказаться в одном месте.

Молодой ракшаас несколько мгновений молчал, а затем раздражённо махнул рукой.

— Достаточно. Идём дальше. Не растягивайтесь! Мне некогда вас ждать!

Помощник почувствовал некоторое облегчение. Он опасался, что новый начальник сейчас начнёт спорить с ветеранами и задержит отряд. Но тот всё-таки двинулся вперёд. Первым прошёл один из телохранителей. За ним — молодой благородный, затем помощник, остальные воины и второй телохранитель. Последним шёл ветеран, который несколько раз оглянулся назад, прежде чем войти в расщелину. Внутри было темнее, чем снаружи. Свет пробивался через узкие трещины, ложился на каменные стены отдельными полосами и исчезал в глубине. Под ногами хрустел мелкий щебень. В нескольких местах свисали корни, а из потолка выступали острые каменные образования.

— Здесь неприятно пахнет… — заметил один из телохранителей.

— Камень и старая сырость… — ответил другой.

— Нет. Что-то ещё.

— Тебе всё кажется.

Молодой благородный тихо рассмеялся.

— Если вам страшно, можете держаться за мои ножны.

Один из телохранителей поддержал шутку. Ветеран, шедший последним, сжал губы. Он заметил на стене несколько царапин. Не свежих, но и не настолько старых, чтобы считать их следами естественного разрушения. Чуть ниже находился небольшой выступ, на котором осела пыль. В ней виднелась тонкая линия, словно кто-то недавно провёл по поверхности чем-то острым.

Он остановился.

— Что там? — спросил помощник, заметив задержку.

— Подожди.

Ветеран присел и внимательно посмотрел на камень.

— Здесь что-то…

— Не задерживай нас! — бросил молодой благородный из глубины прохода.

Старый воин поднял голову. Он хотел попросить всех остановиться, но в этот момент впереди снова раздался смех. Затем послышался голос нового начальника, обсуждавшего с охраной, как именно они будут разделывать неизвестную тварь, если сумеют её поймать. Ветеран выпрямился. Он не мог позволить себе задерживать весь отряд из-за одной непонятной царапины. И всё же чувство тревоги стано-

вилось сильнее. Когда они вышли из расщелины, перед ними открылся небольшой участок местности, скрытый между скалами и густыми зарослями. С одной стороны возвышалась каменная стена, покрытая тёмным мхом. С другой тянулись деревья, чьи корни уходили под выступы скал. Земля здесь была относительно ровной, но местами покрывалась сухими листьями и тонкими слоями пыли. За этим участком начиналась территория, уже знакомая старым разведчикам. Она находилась почти в тылу человеческой границы. Именно здесь прежние группы наблюдали за перемещениями людей, именно отсюда можно было выйти к нескольким скрытым тропам, ведущим к старым сторожевым постам. В обычных условиях место было удобным для временной стоянки.

Но сейчас оно выглядело мёртвым. Ни птиц, ни мелких зверей, ни привычного шелеста насекомых. Даже ветер, проходивший над скалами, словно не желал проникать в эту низину. Старые воины заметили это почти сразу. Один из них медленно повернул голову, прислушиваясь. Другой перестал перебирать пальцами застёжку на рукояти оружия. Третий сделал несколько шагов в сторону, пытаясь рассмотреть землю.

— Здесь слишком тихо… — негромко произнёс он.

Помощник обернулся.

— Что?

— Ни одного живого звука.

— Мы находимся возле заражённой территории.

— Я знаю.

— Тогда чего ты ожидаешь? Птичьих песен?

Ветеран не ответил. Он смотрел на небольшую группу деревьев, находившуюся слева от прохода. Там что-то было не так. Он не мог сразу понять, что именно, но взгляд снова и снова возвращался к одному и тому же месту. Ветви одного из деревьев были расположены под странным углом. Несколько тонких стволов переплетались так, словно кто-то намеренно направлял их рост. Ветеран уже собирался предупредить остальных, когда молодой благородный громко произнёс:

— Итак, где находится ваша знаменитая засада?

Помощник указал вперёд.

— За этим выступом. Там есть удобное место для наблюдения.

— Тогда веди.

Они двинулись дальше. Старые воины невольно замедлили шаг. Теперь их беспокойство стало почти физическим. Они ощущали его в каждом движении, в том, как оружие лежало в руках, как напряжённо поворачивалась голова, как приходилось заставлять себя не смотреть постоянно назад. И всё же никто не хотел открыто спорить с новым начальником. Они уже пытались. И получили в ответ насмешки. Один из ветеранов заметил на земле небольшую металлическую пластинку. Она лежала между камнями, почти полностью скрытая пылью. На её поверхности виднелась тонкая

линия, уходившая под корень.

Он остановился.

— Не трогай… — тихо сказал другой воин.

— Я и не собираюсь.

Они еле заметно переглянулись. Ведь сейчас оба понимали, что подобные предметы могли быть частью чужой системы наблюдения или ловушки. Но никто из них не знал, как именно они работают.

— Надо сообщить командующему… — прошептал один.

— Какому?

Ответа не последовало. Старый командир находился под арестом. Если уже не был казнён. А новый шёл впереди, смеясь над опасностью. И именно в этот момент раздался первый звук. Щёлк. Он был настолько тихим, что его можно было принять за треск сухой ветки. Затем последовал второй. Щёлк. Третий прозвучал чуть дальше. Никто не обратил на них внимания. Впрочем, даже если бы кто-то услышал, то едва ли понял бы, что именно произошло. На этой территории не должно было быть таких звуков. Здесь давно не осталось обычных животных, а изменённые твари, способные выживать в заражённой местности, предпочитали совсем другие способы передвижения. Но отряд был слишком занят собственными разговорами, чтобы обратить внимание на столь незначительные детали. Молодой благородный как раз рассказывал помощнику, что собирается сделать с головой неизвестного существа.

— Если оно действительно убило артефактора, его останки должны быть достаточно ценными. Я не позволю просто уничтожить такую добычу. Мы доставим её в столицу.

— Разумеется, ваше превосходительство.

— И пусть все увидят, что я не собираюсь прятаться за спинами старых воинов.

Помощник улыбнулся.

— В этом никто не усомнится.

Он не успел договорить…. Так как… Первое копьё прилетело сбоку. Прямо из прохода, по которому они шли всей группой. Оно появилось настолько неожиданно, что никто из отряда даже не успел повернуть голову. Длинное древко пронеслось над землёй, а широкий и длинный наконечник с глухим металлическим звуком ударил в бок одного из телохранителей. Удар был чудовищным. Тело ракшаас мгновенно оторвало от земли. Его доспех смялся, словно был сделан из тонкой жести, а сам он, не успев даже вскрикнуть, полетел прямо в сторону молодого благородного. Всё это произошло буквально за одно мгновение.

Телохранитель врезался в своего господина, и обоих отбросило к каменной стене. Молодой ракшаас ударился спиной и затылком о выступающий камень с такой силой, что его тело на мгновение выгнулось, буквально вывернувшись в обратную сторону. Дорогой чешуйчатый доспех принял часть удара, но не смог защитить голову и спину. Его глаза закатились. Он потерял сознание ещё до того, как упал на землю.

Второй телохранитель успел лишь открыть рот.

— Что…

Следом уже летело второе копьё. Оно ударило в грудь другого сопровождавшего, пробило его доспех и отбросило его назад. Тело пролетело несколько шагов, ударилось о землю и перевернулось на бок. Копьё прошло сквозь него почти полностью, оставив на камнях широкую тёмную полосу.

Третий удар пришёлся по помощнику. Он даже не успел понять, откуда появилось оружие. Ещё мгновение назад он думал о том, как будет выглядеть его будущее назначение, как получит командование легионом и как сумеет использовать сегодняшнюю охоту для собственного возвышения. В следующую секунду его грудь пронзило тяжёлое копьё. Удар оказался настолько сильным, что тело помощника подняло над землёй и отбросило назад. Он даже не успел закричать. Копьё прошло через него, пробило тело следующего воина, который только-только начал вскидывать оружие, и с оглушительным звоном пригвоздило обоих к камню. Первый ракшаас повис на древке, словно сломанная кукла. Его голова безвольно опустилась на грудь, а руки ещё несколько мгновений продолжали судорожно сжимать воздух. Второй, пробитый тем же ударом, успел лишь поднять копьё. Теперь оно выскользнуло из его пальцев и упало на землю. Последний из сопровождавших оказался чуть дальше.

Общий удар отбросил его назад. Он перевернулся через плечо, ударился спиной о каменистую поверхность и

несколько раз перекатился, пока не остановился возле корней дерева. Он не сразу понял, что произошло. В ушах стоял звон. Перед глазами всё плыло, а дыхание сбилось настолько, что каждый вдох причинял боль. Он попытался подняться, но руки не слушались. Некоторое время ракшаас просто лежал, глядя на небо между ветвями. Затем до него начали доходить отдельные звуки. Глухой стук… Скрежет металла… Что-то тяжёлое упало рядом… И чей-то короткий, прерывистый хрип…

Он повернул голову. То, что он увидел, заставило его замереть. Каменный выступ, под которым оказался последний воин, напоминал голову огромной птицы. Его верхняя часть выступала вперёд, образуя подобие клюва, а две глубокие трещины на поверхности создавали впечатление глазниц. С этой стороны он видел почти всю площадку. И теперь перед ним открывалась картина, которую он ещё долго не смог бы забыть.

Пять ракшаас уже лежали на земле. Двое были отброшены к стене. Один из них почти не двигался, а второй оказался прижат телом погибшего телохранителя. Их дорогие доспехи были смяты и покрыты пылью. На груди молодого благородного виднелась широкая вмятина, а из-под края шлема выступала тёмная кровь. Ещё двое, как на вертеле безжизненные куски мяса, находились на одном копье. Древко пронзало их тела и упиралось в камень за спиной. Один висел почти вертикально, голова свесилась набок, а чешуй-

чатая рука бессильно свисала вдоль древка. Второй оказался прижат ниже, его оружие валялось у самых ног. Помощник бывшего командующего лежал отдельно. Точнее, его тело всё ещё удерживало копьё, пробившее грудь. Он был отброшен к камню, и теперь казалось, будто его пригвоздили к нему огромным металлическим шипом. Его лицо застыло в выражении полного непонимания. Даже смерть не успела стереть то удивление, с которым он встретил собственную гибель. Их кровь смешивалась и толчками стекала по каменной поверхности, собираясь в тёмные капли у основания.

Последний воин смотрел на всё это, не в силах пошевелиться. Он видел оружие. Копья. Те самые копья, которыми были уничтожены его спутники. И он узнал их. Не сразу, но узнал. Древки были выполнены из особого тёмного материала, а на металлических наконечниках виднелись характерные узоры. Он видел подобное оружие раньше — в руках собственных воинов, в оружейных хранилищах легиона, на тренировочных площадках. Это были копья ракшаас. Не человеческие. Не оружие неизвестной твари. Их уничтожили собственные копья их народа. Сама эта мысль оказалась настолько чудовищной, что старый опытный воин несколько раз моргнул, пытаясь избавиться от увиденного. Но ничего не изменилось. Копья оставались на месте.

Он медленно повернул голову в сторону расщелины, через которую они пришли. Сейчас, возможно даже от удара, ему мерещилось, что там… на краю прохода… виднелись

какие-то едва заметные движения… Ему казалось, что кто-то находился за камнями. Кто-то заранее выбрал позиции. Кто-то знал, что именно этот отряд выйдет сюда. И, судя по точности ударов, заранее рассчитал, куда следует направить каждое копьё.

В этот момент воин понял то, чего не хотели понимать остальные. Это точно была не случайная атака. Их не встретили в открытом бою. На них устроили засаду. Причём настолько хорошо подготовленную, что практически весь отряд погиб, не успев даже достать оружие.

Он снова посмотрел на молодого благородного. Тот лежал возле каменной стены, совершенно неподвижный. Его дорогой доспех был покрыт пылью, плащ из паучьей ткани зацепился за острый выступ, а мифриловый обруч сполз на бок. На первый взгляд он выглядел мёртвым. Но воин заметил слабое движение груди. Бастард был жив. И это оказалось гораздо хуже, чем если бы он погиб сразу.

Выживший ракшаас попытался подняться. Сначала ему удалось лишь перевернуться на бок. Затем он подтянул под себя руку и, опираясь на локоть, медленно приподнял голову. Всё тело болело. В ушах стоял гул, перед глазами плавали тёмные пятна. Он не мог понять, сколько времени прошло с момента нападения. Возможно, несколько мгновений. Возможно, гораздо больше. Но стоило ему снова увидеть лежащие тела, как остатки оцепенения исчезли. Он понял, что остался один. И понял, что если сейчас начнёт кричать, то

его могут услышать те, кто устроил засаду. Он попытался отползти. Движение оказалось неуклюжим. Камни царапали чешую, одежда цеплялась за корни, а каждый вдох отдавался болью в груди. Он не знал, насколько сильно пострадал, но чувствовал, что не сможет быстро подняться. Сначала он хотел броситься к молодому благородному. Затем вспомнил о его происхождении. И остановился.

В голове одна за другой возникали мысли, от которых становилось всё страшнее. Если бастард императора погибнет, то начнётся расследование. Если выяснится, что он сопровождал его в походе, то придётся объяснять, почему последний воин отряда остался жив. Если кто-нибудь решит, что именно он виновен в смерти Императорского отпрыска, его не спасёт даже честная служба. Более того… Весь его род может оказаться втянут в это дело. Ведь речь шла не просто о гибели высокопоставленного ракшаас. Такое убийство вполне могли использовать в борьбе между представителями Императорской семьи. Кто-то мог заранее организовать засаду, чтобы избавиться от неудобного бастарда. Кто-то мог знать о его поездке. Кто-то мог передать сведения о маршруте. А теперь он, простой воин, оказался единственным свидетелем. Он мог попытаться спасти его. Но что произойдёт, если нападавшие всё ещё находятся рядом? Что, если они ждут, пока кто-нибудь приблизится к телам? Что, если их задача заключалась не в том, чтобы убить всех сразу, а в том, чтобы уничтожить каждого, кто попытается помочь раненому?

Он посмотрел на копья. Они были слишком мощными. Ни один из присутствовавших не успел даже поднять оружие. Даже личная охрана, привыкшая сопровождать благородных особ, не смогла ничего сделать. И самое страшное заключалось в том, что эти копья принадлежали самим ракшаас. Значит, кто-то из их народа заранее подготовил нападение. Возможно, другой легион. Возможно, сторонники одного из претендентов на власть. Возможно, те самые ракшаас, которые хотели избавиться от бастарда, но не желали делать это собственными руками.

В этот момент старый воин почувствовал, как по спине пробежал холод. Он не хотел становиться частью этой истории. Совсем не хотел. Его семья жила далеко от столицы, в небольшом владении, которое не имело особого влияния. Его братья служили в других подразделениях, родственники занимались торговлей и ремеслом. Если он погибнет здесь, то это будет печально, но понятно. Если же его обвинят в причастности к убийству императорского отпрыска, пострадать могут все. А если он просто вернётся и расскажет, что произошло, его могут обвинить в трусости. В дезертирстве. В том, что он бросил своего господина. Но это всё равно было лучше, чем оказаться между представителями Императорской семьи. Потому что в такой борьбе обычные воины не становились героями. Они становились удобными свидетелями, которых можно было заставить замолчать.

Он снова посмотрел на бастарда. Тот всё ещё лежал непо-

движно. Старый воин попытался представить, что будет, если сейчас поднимется и бросится к нему. Возможно, успеет проверить состояние, перевязать раны, попытаться оттащить в укрытие. Но для этого пришлось бы пройти через открытую площадку, где лежали остальные тела. А затем нужно было бы каким-то образом выбраться обратно через проход, который, возможно, уже находился под наблюдением. Он не знал, сколько нападавших. Не знал, где они расположены. Не знал, есть ли у них ещё копья. И не знал, почему они напали именно на этот отряд. Но одно он уже понимал совершенно ясно. Если останется здесь, то может погибнуть. А если уйдёт, у него появится хотя бы небольшой шанс выжить.

Он медленно отполз подальше от каменного выступа. Сначала двигался почти незаметно, стараясь не задевать сухие ветви. Затем, когда оказался за небольшой группой камней, поднялся на колени. Его ноги дрожали. Он ещё раз посмотрел на площадку. Ветер слегка шевелил край плаща молодого благородного. Из-под него виднелась рука, на которой блестели несколько дорогих колец.

Воин сглотнул. Ему было страшно. Не просто страшно, как бывает перед боем, когда понимаешь, что можешь погибнуть. Это был страх разумного, который внезапно осознал, что оказался в чужой игре, правила которой ему неизвестны. Он не знал, кто устроил засаду. Не знал, кому она была предназначена. Но видел, что среди погибших находился помощник прежнего командующего, а рядом лежал сын Импе-

ратора. Пусть и незаконнорожденный. Но всего этого было достаточно, чтобы понять, что произошедшее не закончится обычным разбирательством. Если он вернётся в лагерь, ему придётся выбирать, что именно говорить. Да. Можно заявить о том, что на отряд напали неизвестные противники, использовавшие оружие ракшаас. Можно утверждать, что все погибли, а он сам чудом выжил. Можно даже сказать, что бастард Императора получил смертельные ранения и остался на месте. Но если кто-нибудь из нападавших вернётся проверить тела и обнаружит, что один воин ушёл, то его могут начать искать.

С другой стороны, если он всё же останется здесь, то его найдут вместе с остальными. И тогда уже не будет никакой возможности объяснить произошедшее.

Тяжело, и даже болезненно выдохнув, он всё же принял решение. Не самое достойное. Не самое правильное. Но единственное, которое в тот момент казалось ему разумным. Он побежит. Пусть его назовут дезертиром. Пусть лишат звания. Пусть отправят на каторжные работы или казнят за оставление господина. По крайней мере, это будет решение военного суда, а не тайное убийство по приказу очередного претендента на императорское расположение. Он повернулся к проходу, через который они пришли. И побежал.

Сначала осторожно, почти бесшумно, стараясь не поднимать пыль. Затем всё быстрее, пока страх не вытеснил остатки осторожности. Он несколько раз споткнулся, ударился

плечом о камень, едва не упал на скользком участке, но не остановился. Позади оставалась площадка с телами его спутников. Он не оборачивался. Вскоре каменные стены расщелины скрыли от него место засады. Ещё несколько минут он двигался по знакомому проходу, пока наконец не оказался на другой стороне. Только там он позволил себе на короткое мгновение остановиться.

Быстро осмотревшись в этом месте, воин устало прислонился к скале и попытался восстановить дыхание. Его руки дрожали настолько сильно, что он едва мог удерживать копьё. Он посмотрел на оружие. Затем на свои ладони. Они были испачканы кровью одного из спутников, хотя он даже не помнил, когда успел коснуться его тела.

— Проклятие… — прошептал он.

Ему предстояло вернуться в лагерь. Но не к командующему. Он уже понимал, что если тот до сих пор жив и узнает о случившемся, то может немедленно обвинить его в трусости и казнить. А если бастард Императора действительно погиб, то любой, кто первым сообщит об этом, автоматически окажется под подозрением. Так что сейчас ему нужно было найти кого-то другого. Возможно, одного из старых офицеров, которому ещё можно доверять. Или начальника охраны, если тот не станет задавать лишних вопросов. Но даже это было рискованно.

Тяжело вздохнув, старый воин поднял голову и посмотрел в сторону лагеря. Теперь он знал только одно. Он не должен

был идти туда. И не должен был позволить кому-либо узнать, что именно он видел. Пусть его лучше вообще запишут в погибшие. Пусть даже объявят дезертиром. Пусть считают трусом. Всё это было лучше, чем оказаться в центре борьбы за власть, в которой даже смерть Императорского сына могла стать всего лишь очередным поводом для расправы.

Он ещё раз оглянулся на расщелину, и продолжил свой путь в неизвестность. А там, за камнями, остались тела. И копья. Те самые копья, которые должны были стать оружием охоты на неизвестную тварь, а вместо этого превратили охотников в добычу…

После его ухода на узкой площадке снова воцарилась тишина. Пыль постепенно оседала. Несколько мелких камешков, сброшенных ударной волной, продолжали катиться по склону, пока не остановились у корней деревьев.

Молодой благородный лежал неподвижно. Его сознание было погружено в темноту, а дыхание оставалось слабым и неровным. На затылке под редкими волосами уже проступила тёмная кровь. Доспех, которым он так гордился, сохранил часть своей формы, но тонкие чешуйки на спине оказались смяты, а крепления у плеча разошлись. Рядом лежал его телохранитель. Тот самый, который принял на себя первый удар, но всё же отбросил своим собственным телом господина к каменной стене. Его тело было изломано, бок пробит, а одна рука оказалась неестественно вывернута. Он уже не дышал. Неподалёку помощник бывшего командующего

оставался пригвождённым к камню. Его глаза были открыты, но полностью остекленевший взгляд уже ничего не выражал. Всё, о чём он мечтал ещё час назад, исчезло вместе с последним вздохом. Он так и не стал командиром легиона. Не успел даже понять, что его собственные амбиции привели его в место, где чужие планы оказались куда важнее.

А где-то за пределами видимости, среди камней и деревьев, находились те, кто устроил эту засаду. Они не торопились выходить. Они не кричали. Не праздновали победу. Они просто ждали, пока всё вокруг окончательно затихнет…

Новая добыча

Алексей уже давно перестал считать работу в кузнице чем-то необычным. Хотя ему было достаточно сложно привыкнуть к монотонной и размеренной работе молотом. Что часто заканчивалось кровавыми мозолями на руках. Первые дни после того, как ему удалось запустить водяное колесо, наладить передачу вращения и заставить меха работать без постоянного участия человека, он то и дело спускался в пещеру просто для того, чтобы посмотреть, как ведёт себя механизм. Ему нравилось наблюдать за размеренным движением деревянных шестерён, за тем, как тяжёлый вал медленно проворачивается под напором воды, как рычаги приводят в движение меха, а из горна вырывается ровное горячее дыхание. Теперь же всё это стало частью привычного распорядка.

Кузница больше не требовала от него постоянного внимания. Разумеется, оставлять её без присмотра на продолжительное время он всё ещё не решался: деревянные передачи нуждались в периодической проверке, крепления следовало осматривать, а водяное колесо могло неожиданно наткнуться лопастями на принесённую течением ветку или обломок дерева. Однако для обычной работы оборудования вполне хватало нескольких проверок в течение дня.

Именно поэтому очередную заготовку для меча он решил обрабатывать не внизу, а наверху, возле башни. Это был уже

не первый его опыт с адамантитом. После предыдущих экспериментов Алексей значительно лучше понимал, как вести себя с этим странным металлом, хотя до настоящего понимания его природы ему было ещё очень далеко. Серебристые прожилки по-прежнему оставались загадкой. Он научился добиваться того, чтобы при многократной проковке они вытягивались, переплетались и распределялись внутри тёмной основы более равномерно, но не мог пока объяснить, почему металл реагирует именно так и какие процессы происходят в нём при нагреве.

Нынешняя заготовка была результатом нескольких дней работы. Ещё недавно она представляла собой грубую полосу металла с неровными краями, а теперь постепенно приобретала очертания клинка. Правда, до готового меча ей было ещё очень далеко. Требовалось выправить геометрию, убрать следы ковки, сформировать спуски, проверить равномерность толщины и только после этого переходить к окончательной обработке режущей кромки.

Это была очень кропотливая работа, не требовавшая постоянного применения тяжёлого молота, зато отнимавшая немало времени. Особенно теперь, когда Алексей собирался шлифовать поверхность, постепенно снимая тонкий слой металла и проверяя, не обнаружатся ли под ним какие-нибудь скрытые дефекты.

Поэтому он заранее подготовил небольшое рабочее место под скальным навесом. Туда отправились деревянные опо-

ры, несколько камней разной зернистости, ёмкость с водой, тряпки и прочие мелочи, без которых подобная работа превращалась в мучение. Саму заготовку он перенёс наверх на руках, предварительно завернув в плотную ткань, чтобы не повредить уже обработанные участки.

Получалось довольно удобно. Возвращаясь с охоты или после сбора трав, можно было выкроить час-другой и продолжить шлифование. Не приходилось каждый раз спускаться в подземную кузницу, разжигать светильники, проверять оборудование, а затем снова подниматься с заготовкой. Внизу оставались тяжёлые работы, нагрев и ковка, наверху — всё, что требовало спокойствия и времени.

В тот день Алексей как раз занимался очередным участком клинка. Он закрепил заготовку на деревянных опорах, слегка наклонив её, чтобы удобнее было контролировать поверхность. Рядом стояла миска с водой, в которой он время от времени смачивал шлифовальный камень. Работал он медленно, без лишнего нажима. Короткие движения сменялись более длинными, направленными вдоль будущей режущей кромки. После нескольких проходов он вытирал металл, осматривал получившуюся поверхность и снова принимался за дело.

На тёмной стали уже проступали тонкие серебристые линии. В некоторых местах они шли почти параллельно, в других пересекались под небольшими углами, образуя сложный рисунок, который особенно хорошо был заметен при бо-

ковом освещении. Алексей всякий раз задерживал на нём взгляд. Он пока не знал, насколько сильно подобная структура повлияет на окончательные свойства клинка, но результаты прежних испытаний заставляли относиться к этим прожилкам с особым интересом. Он как раз собирался сменить камень на более мелкий, когда краем глаза заметил движение возле небольшого стола, стоявшего у стены башни. Точнее, движение было не совсем обычным. На металлической пластине, которую он некоторое время назад забрал у ракша-ас, и в последнее время постоянно держал под рукой, вспыхнул один из светлых символов. Затем рядом появился второй. Следом третий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.